

ни анализа важнѣйшихъ мистическихъ произведеній начала 19 столѣтія, онъ не усмагриваетъ въ этомъ движеніи ничего новаго или оригинальнаго по сравненію съ аналогичными движеніями другихъ временъ у разныхъ народовъ. Онъ находитъ здѣсь въ проповѣди таинственнаго общенія съ Богомъ, даже въ частностяхъ и методахъ мистическаго пути—обычныя идеи, свойственныя христіанскимъ мистикамъ всѣхъ временъ. Разсматриваемое подъ такимъ угломъ зрѣнія, мистическое движеніе эпохи Александра интересуется его не столько своими отдѣльными конкретными проявленіями, сколько выразившимися въ немъ принципами своеобразной схематизаціи мистическаго опыта. Сообразно съ этимъ рецензируемое сочиненіе представляетъ собою въ сущности не столько критическое воспроизведеніе историческаго факта во всей его выпуклости и своеобразіи, сколько философское, общее освѣщеніе этого факта со стороны его наиболѣе типичныхъ признаковъ, дѣйствительно свойственныхъ мистическимъ возбужденіямъ другихъ эпохъ и народовъ. Успокоившись на такихъ общихъ признакахъ, авторъ ограничилъ свои наблюденія главн. обр. трактатами чисто-мистическаго характера, не ощутивъ въ себѣ достаточныхъ побужденій для новыхъ поисковъ мистическаго матеріала хотя бы въ сферѣ поэтическихъ произведеній начала 19 го столѣтія, если, впрочемъ, не считать приводимыхъ имъ стихотвореній Глинки. Поэтому читатель, познакомившись въ сочиненіи г. Горскаго съ мистическимъ умонастроеніемъ корифеевъ движенія, остается неудовлетвореннымъ въ своемъ желаніи узнать, насколько же глубоко и широко проникла мистика въ русское общество того времени, какъ преломлялась она въ настроеніи разныхъ круговъ современной интеллигенціи, какимъ образомъ и насколько мистическія теченія переплетались съ направленіями художественной литературы и въ особенности съ русскимъ романтизмомъ.

Что касается собственно освѣщенія Александровскаго мистицизма, то едва-ли можно согласиться съ авторомъ, что основную тенденцію всего этого движенія составлялъ, какъ выражается онъ, эсхатологизмъ. Не принялъ ли авторъ въ данномъ случаѣ за наиболѣе существенную черту движенія просто той его стороны, которая его самого наиболѣе въ немъ заинтересовала?

Отмѣченныя своеобразности въ постановкѣ вопросовъ и въ ихъ рѣшеніи г. Горскимъ нисколько не заслоняютъ отъ рецензента высокихъ достоинствъ его въ общемъ прекраснаго сочиненія; онѣ свидѣтельствуютъ только о большей склонности автора къ широкому научному синтезу, чѣмъ къ кропотливому и детальному изслѣдованію невыясненныхъ историческихъ фактовъ. Отсутствие систематическаго обзора подробностей разсматриваемаго движенія замѣняется такою мастерскою характеристикою идейной стороны его, которая вполне вѣрно и глубоко вводитъ въ пониманіе интеллектуальнаго настроенія эпохи. Замѣчательная стройность всего содержанія сочиненія и богатство выдѣлки своеобразно развертывающейся здѣсь ткани не могутъ не покорить вниманія даже такого читателя, который не согласенъ со взглядами автора на разсматриваемый предметъ. Чуть не каждая страница, чуть не каждая фраза отражаютъ широко задуманную задачу, силу и живость самостоятельной мысли, блестящій литературный талантъ и тонкій литературный вкусъ. Вотъ почему авторъ заслуживаетъ не только кандидатской степени, но и особеннаго вниманія Совѣта Академіи“.

б) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Мистика и мистицизмъ различаются между собою глубоко и существенно. Мистика есть явленіе нормальное и входитъ необходимымъ элементомъ во всякую религію, въ частности и христіанскую. Мистицизмъ же есть явленіе болѣе или менѣе патологическое и съ положительною религіею уживается далеко не всегда мирно. Авторъ разсматриваемаго сочиненія не останавливается надъ разъясненіемъ этого принципиальнаго различія и, хотя дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія въ этомъ направленіи, но не даетъ строгихъ и опредѣленныхъ формулъ и, прежде всего, *не устанавливаетъ точнаго понятія о мистицизмѣ*, равно какъ не указываетъ формъ и видовъ его проявленія. Вслѣдствіе этого у читателя нерѣдко возникаетъ вопросъ: да о чемъ, собственно, говоритъ авторъ, рассуждая о „мистическомъ движеніи“ въ обществѣ и литературѣ данной эпохи,—о мистикѣ или мистицизмѣ?.. Отсюда видно, что предметъ изслѣдованія постав-

лень въ сочиненіи шатко и область его отграничена не достаточно строго.

Въ тѣсной связи съ этимъ недостаткомъ стоитъ второй—*недостатокъ критическаго отношенія къ изучаемому явленію*. Положительное религиозное сознаніе всегда относится къ проявленіямъ мистицизма тревожно и опасливо. Такъ въ общемъ относилось и православно-церковное сознаніе изучаемой эпохи къ наиболѣе рѣзкимъ проявленіямъ мистицизма. Но тутъ было множество характерныхъ частности. Уяснить взаимоотношеніе двухъ указанныхъ стихій было существенно важно,—особенно въ сочиненіи на богословскую степень. Между тѣмъ авторъ оставляетъ эту сторону задачи безъ должнаго вниманія. Оеъ говоритъ, правда, о правительственныхъ репрессіяхъ противъ проповѣдниковъ и популяризаторовъ мистицизма. Но говоритъ бѣгло, отмѣчая лишь внѣшніе факты и почти не касаясь ихъ внутренней стороны. Брошенные иногда какъ бы мимоходомъ и вскользь замѣчанія по этому поводу лишь поднимаютъ въ душѣ читателя вопросы, но не рѣшаютъ ихъ. „Въ Москвѣ“,—пишетъ, напр., авторъ,—„засѣлъ еще съ 1821-го года архіепископъ Филаретъ (*поднавіий вліянію мистицизма?*), котораго такъ и не удалось свалить Фотію“ (стр. 3). И далѣе слѣдуетъ выдержка изъ письма Фотія чисто внѣшняго характера... Что могутъ разъяснить, по вопросу объ отношеніи представителей церковнаго сознанія къ мистицизму, эти и подобныя (очень немногія, однако) замѣчанія?..

Наконецъ, оба указанные недостатка стоятъ въ связи съ третьимъ—недостаткомъ методологическимъ. Вслѣдствіе отсутствія въ сочиненіи строгаго отграниченія предмета изслѣдованія, съ одной стороны, и философско-критическаго освѣщенія изучаемаго процесса, съ другой, *оно носитъ фрагментарный и эпизодическій характеръ*. На однихъ явленіяхъ (Лабзинъ, Θεодосій и др.) авторъ останавливается черезчуръ долго, часто злоупотребляя при этомъ выписками, занимающими иногда сплошь по нѣскольку страницъ. Другія (напр., отраженіе мистицизма въ поэзіи эпохи), напротивъ, затронуты лишь бѣгло и вскользь. Такимъ образомъ, авторъ, собственно, знакомитъ насъ съ мыслями и личною судьбою отдѣльныхъ представителей мистицизма (и мистики?), но не даетъ *исторіи* „мистическаго движенія“, поскольку

оно захватило общество и отразилось въ литературѣ. Сочиненію, такимъ образомъ, недостаетъ общаго фона и перспективы. Хотя авторъ и возстаетъ противъ взгляда на изучаемый имъ процессъ, какъ на „какой-то фантастическій романъ, изолированный отъ исторіи“, какъ на „метеоръ(!), пронесшійся въ жизни русскаго общества одиноко, безъ предковъ и потомковъ“ (стр. 310), но сдѣланныя имъ, въ устраненіе такого представленія (конечно, неправильнаго!) о нашемъ мистицизмѣ, замѣчанія носятъ слишкомъ внѣшній характеръ, чтобы достигать своей цѣли, — чтобы вскрыть его переплетенность съ другими интересами мысли и жизни и отгѣнить его почвенный и органическій характеръ.

Таковы главные недостатки сочиненія г. Горскаго.

Указывая на нихъ, я долженъ съ сожалѣніемъ сказать что, вѣроятно, сочиненіе было бы отъ нихъ свободно, еслибы авторъ внесъ въ обработку темы больше труда. Онъ чловѣкъ несомнѣнно даровитый. Съ этой стороны онъ обратилъ на себя вниманіе рецензента сочиненіемъ, написаннымъ еще на первомъ курсѣ. Настоящій же его трудъ даетъ тому новыя доказательства. Мысль тонкая. Слово вѣское и изящное. Въ выборѣ приводимыхъ отрывковъ обыкновенно чувствуются у него вкусъ и тактъ. Литературная сторона сочиненія безупречна. Въ сложномъ и запутанномъ вопросѣ онъ разбирается легко и иногда прямо виртуозно. Исторіей русской литературы, видимо, интересуется, хорошо ее знаетъ и тонко понимаетъ. Иногда даритъ читателя своего рода открытіями (напр., когда говоритъ объ отношеніи къ мистицизму Достоевскаго, стр. 332). Но... матеріаль изученъ недостаточно; принципиальными вопросами авторъ, повидимому, себя не особенно утруждалъ; и потому многое осталось лишь въ намекахъ и стремленіи... Въ бѣльшей своей части сочиненіе даетъ лишь сырой матеріаль, предоставляя читателю самому разбираться въ вопросахъ, возникающихъ по его поводу. Такимъ образомъ, поскупившись на собственный трудъ, авторъ какъ бы перелагаетъ часть тяжести съ себя на читателя.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Горскаго,—какъ трудъ, хотя и съ недостатками, и даже, какъ показано, существенными, но обнаруживающій даро-

витость автора, самостоятельный, оригинальный въ нѣкоторыхъ деталяхъ и интересный въ цѣломъ,—вполнѣ достаточно“.

11) О сочиненіи студента *Даниленко Прохора* на тему:

„Законъ Божій, какъ предметъ преподаванія въ начальной школѣ“.

а) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Сочиненіе г. Даниленко заключаетъ въ себѣ, кромѣ предисловія, двѣ части изслѣдованія. Въ *предисловіи* (стр. 1—27) авторъ разсуждаетъ о необходимости религіозной основы для воспитанія вообще и о воспитательномъ значеніи религіознаго обученія въ частности.—Эти общія разсужденія получаютъ затѣмъ ближайшее раскрытіе и обоснованіе въ *первой* части изслѣдованія (стр. 29—156), гдѣ дѣлается историческій обзоръ и вмѣстѣ дается разборъ различныхъ возраженій противъ обученія религіи въ школѣ. При этомъ, не претендуя на всеисчерпывающую полноту историческаго очерка, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на болѣе видныхъ и типичныхъ педагогахъ (отрицательнаго направленія—Руссо, Базедовъ, Песталотци, Дистервегъ; положительнаго — св. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, бл. Іеронимъ, Августинъ: изъ новѣйшихъ—Ам. Коменскій, Паскаль, Пироговъ, Ушинскій). Благодаря этому, очеркъ автора не можетъ быть названъ совершенно полнымъ и обстоятельнымъ; за то онъ выигрываетъ въ связности изложенія и въ цѣльности впечатлѣнія.

Вторая часть изслѣдованія (стр. 159—332) носитъ общее заглавіе: „Методика Закона Божія“ и трактуетъ именно: о цѣли и составѣ Закона Б., о методахъ и формахъ преподаванія его, о наглядныхъ пособіяхъ при этомъ преподаваніи, наконецъ—въ частности: объ изученіи молитвъ, свящ. исторіи, катихизиса и богослуженія. Здѣсь авторъ обнаруживаетъ достаточное знакомство не только съ различными дидактическими руководствами и методиками по Закону Божію (къ сожалѣнію—исключительно съ русскими), но и съ постановкой преподаванія этого предмета въ школьной

практикѣ. Оттого многія страницы этой части читаются съ живѣйшимъ интересомъ.

Нельзя не отмѣтить къ тому же и искренняго увлеченія нашего автора избраннымъ предметомъ, что особенно сказалось въ заключительномъ параграфѣ II части сочиненія (о личныхъ качествахъ законоучителя), гдѣ онъ съ жаромъ восклицаетъ между прочимъ: „Какой можетъ быть успѣхъ въ преподаваніи (разумѣемъ успѣшность не только теоретическую, но и практическую), если законоучитель не имѣетъ живой и глубокой вѣры въ Иисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, какъ истиннаго Спасителя рода человѣческаго отъ грѣха и смерти“ (стр. 327). Такимъ образомъ, г. Даниленко проявилъ въ своемъ сочиненіи не только старательное изученіе предмета, но и то доброе настроеніе, которое такъ желательно въ педагогѣ, выходящемъ изъ высшей духовной школы...

Для степени кандидата богословія трудъ его вполне достаточенъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. П. Введенскаго*:

„Тема сочиненія г. Даниленко касается жгучаго современнаго вопроса. И авторъ понялъ серьезность его. Въ 1-й части своего изслѣдованія,— гдѣ г. Даниленко развиваетъ мысль о необходимости религіознаго воспитанія дѣтей, — авторъ предпосылаетъ своимъ сужденіямъ обстоятельный разборъ отрицательныхъ воззрѣній на дѣло преподаванія Закона Божія въ школѣ. Здѣсь онъ останавливаетъ свое вниманіе на отношеніи къ указанному вопросу Руссо, Базедова, Песталотци и др.

Дѣлая критическій обзоръ мнѣній по вопросу преподаванія Закона Божія въ школѣ, авторъ говоритъ, что онъ quod rotui, feci. Но думается, что онъ могъ бы придать еще большую обстоятельность своей работѣ, если бы не ограничился справками изъ исторіи педагогики, но познакомился съ трудами изъ области педагогики позднѣйшихъ западныхъ педагоговъ (напр. Кельнеръ, Ферстеръ и др.). Въ нихъ онъ также нашелъ бы авторитетное и глубоко-жизненное обоснованіе своихъ, въ общемъ вѣрныхъ, взглядовъ.

Говоря о 1-хъ вѣкахъ христіанства, г. Даниленко отмѣчаетъ взгляды на религіозное обученіе св. Іоанна Златоуста.

Василія Великаго, Иеронима. Однако, онъ могъ обратить вниманіе и на другихъ Отцовъ и Учителей Церкви, какъ напр., на Климента Александрійскаго (на его „Педагогъ“), которые также говорятъ о необходимости прививать дѣтямъ религіозныя знанія.

Во второй части своего изслѣдованія г. Даниленко обстоятельно говоритъ о методикѣ Закона Божія, о формахъ преподаванія; съ пониманіемъ дѣла онъ разсматриваетъ въ этой части различныя методы обученія Закону Божію; но все же нужно замѣтить, что нѣкоторые отдѣлы этой части его изслѣдованія (напр. о формахъ преп. Закона Божія, стр. 206—214; о наглядныхъ пособіяхъ, стр. 215—225) являются у него нѣсколько элементарными.

При всемъ томъ отмѣченные нами недостатки искупаются въ сочиненіи г. Даниленко живымъ искреннимъ чувствомъ. Въ личныхъ сужденіяхъ автора по вопросу о преподаваніи Закона Божія въ школахъ видѣнъ человѣкъ, понимающій всю важность и отвѣтственность этого дѣла. Нѣкоторыя страницы его изслѣдованія подкупаютъ своею проникновенностью.

Языкъ автора чистый, ясный и точный.

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія студента Прохора Даниленко, оно можетъ быть признано вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

12) О сочиненіи студента *Дмитревскаго Леонида* на тему: „Блаженный Иеронимъ, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“.

а) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора *А. П. Шостына*:

„Сочиненіе г. Дмитревскаго естественно дѣлится на двѣ части. Изъ нихъ *первая* надписывается: „бл. Иеронимъ, какъ пастырь“ (стр. 1—176); *вторая*—„бл. Иеронимъ, какъ учитель о пастырствѣ“ (стр. 177—338).

По мысли автора, „чтобы уяснить особенности пастырскаго служенія бл. Иеронима, а отчасти и его ученія о пастырствѣ, необходимо познакомиться съ его біографіей“ (стр. 3). Поэтому въ 1-й главѣ первой части авторъ даетъ обстоятель-

ную біографію бл. отца, основанную на внимательномъ изученіи многочисленныхъ его твореній, въ особенности—писемъ его. Во 2-й главѣ той же части характеризуется собственно пастырская душепопечительная дѣятельность бл. Іеронима. Ибо, хотя онъ и „не былъ связанъ съ какой-либо определенной паствой“, однако „сознавалъ необходимость возвышать свой пастырскій голосъ противъ пороковъ и сохранившихся еще языческихъ нравовъ современнаго ему общества и постоянно горѣлъ желаніемъ утѣшать, наставлять и увѣщевать, помня свою главную пастырскую обязанность душепопеченія“ (стр. 81—82). „Не съ Римской каѳедры, а изъ тихой келліи Виледемскаго монастыря, не громкими проповѣдями, а скромными, но сильными и зажигательными по духу письмами и посланіями проливалъ онъ на развращенное и погибавшее въ порокахъ римское общество свѣтъ христіанской жизни и нравственности“ (167)... Для раскрытія и подтвержденія этихъ мыслей авторъ полною рукою черпаетъ изъ твореній бл. Іеронима множество подробностей, характеризующихъ состояніе тогдашняго общества (черни, знати, духовенства), и приводитъ образчики письменныхъ увѣщаній и совѣтовъ бл. пастыря своимъ друзьямъ и знакомымъ, нерѣдко даже и людямъ незнакомымъ.

Столь же содержательна и интересна и вторая часть разсматриваемаго сочиненія. Здѣсь въ 1-ой главѣ излагаются мысли бл. Іеронима о существѣ пастырскаго служенія, о священствѣ ветхо-завѣтномъ и ново-завѣтномъ (въ ихъ различіи по происхожденію и функціямъ), объ іерархическихъ степеняхъ. Въ главѣ 2-ой сгруппированы мысли бл. учителя о личныхъ качествахъ носителей новозавѣтнаго пастырства, о приготовленіи къ этому служенію (умственномъ и нравственномъ) и о самой жизни пастырей.

Наконецъ, въ 3-ей главѣ излагаются мысли Іеронима объ учительствѣ церковно-общественномъ, о частномъ пастырскомъ душепопеченіи (примѣнительно къ полу, возрасту и общественному положенію различныхъ членовъ Церкви), также объ отправленіи чисто-юридическихъ функцій въ церковномъ обществѣ. Въ качествѣ заключенія авторъ прибавляетъ нѣсколько замѣчаній объ особенностяхъ въ пастырскихъ воззрѣніяхъ блж. Іеронима и о значеніи ихъ въ исторіи западной пасторологіи. Если и можно въ чемъ упрек-

нута г. Дмитревскаго по поводу этой второй части сочинения, то развѣ только въ томъ, что онъ недостаточно выдѣлилъ собственно-пастырскій элементъ въ ученіи бл. Иеронима и привнесъ въ свое изложеніе мысли догматическаго и каноническаго характера (напр. по вопросу объ іерархическихъ степеняхъ), для основательнаго выясненія которыхъ не располагалъ даже временемъ.

Для степени кандидата богословія трудъ г. Дмитревскаго долженъ быть признанъ очень удовлетворительнымъ“.

б) Ординарнаго профессора А. А. *Спаскаго*:

„Тема сочиненія опредѣляетъ и содержаніе его: изобразивъ біографію Иеронима, авторъ въ первой части разсматриваетъ пастырскую дѣятельность самого Иеронима, вторую посвящаетъ разсмотрѣнію ученія его о пастырствѣ и въ заключеніи опредѣляетъ значеніе его въ исторіи западной святоотеческой пасторологии. Онъ тщательно пересмотрѣлъ всѣ творенія Иеронима и извлекъ изъ нихъ все необходимое для того, чтобы нарисовать полный образъ Иеронима, какъ пастыря, и дать всестороннее изложеніе и оцѣнку его пасторологической теоріи. Распредѣленіе сложнаго матеріала расположено по строго-выработанной системѣ: тѣмъ неожиданнѣе для читателя является отдѣлъ (198—225 стр.), гдѣ авторъ анализируетъ воззрѣнія Иеронима на тожество должностей епископа и пресвитера въ первоначальномъ строѣ христіанской церкви, отдѣлъ, не стоящій ни въ какой логической связи съ прямой задачей автора. Литературный слогъ отличается изяществомъ и обработанностью.

По выдающимся достоинствамъ своего сочиненія авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

13) О сочиненіи студента *священника Добронравова Георгія* на тему: „Гоненіе Прода Агриппы на христіанъ (историческій комментарий къ Дѣян. XII гл.)“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора М. Д. *Муретова*:

„Объемистый (VIII+431+IX компактныхъ страницъ пишущей машины) трудъ о. Георгія,—кромѣ весьма внушительнаго списка источниковъ и пособій (I—VIII), подроб-

наго оглавленія въ концѣ тетради (I—IX), краткихъ—введенія (3—4) и заключенія (427—431),—распадается на двѣ части: общеисторическую (5—184) и специально—экзегетическую (185—426).

Часть общеисторическая имѣетъ три главы. Первая озаглавлена такъ: „религіозное и политическое состояніе іудейскаго общества въ первые годы жизни христіанской церкви“ (стр. 5—77). Предметъ этой главы,—необходимый въ качествѣ общеисторическаго комментарія или пособия къ толкованію 12-й главы книги Дѣяній Апостольскихъ,—настолько однакожь обширенъ и многостороненъ, что не могъ быть, въ теченіе срока для кандидатскаго сочиненія, изложенъ авторомъ болѣе или менѣе полно, хотя бы даже въ видѣ краткаго обзоренія и конспективно. Волей-неволей автору настояль выборъ только нѣкоторыхъ сторонъ предмета, наиболѣе соприкосновенныхъ къ содержанію толкуемой авторомъ главы Дѣяній. При этомъ весьма умѣло и цѣлесообразно о. Георгій остановилъ свой выборъ на характеристикѣ двухъ, главенствовавшихъ тогда въ Палестинѣ, направленій религіозно-нравственной жизни, выразившихся въ саддукейской и фарисейской сектахъ, какъ стоявшихъ въ самой близкой и причинной связи съ гоненіемъ Прода Агриппы I-го на христіанъ. Конечно и этотъ предметъ, взятый самъ по себѣ для спеціальнаго изслѣдованія, весьма сложенъ и обширенъ, почему и здѣсь авторъ вынужденъ былъ ограничиться лишь общимъ изложеніемъ предмета, главнымъ образомъ по популярнымъ книгамъ на русскомъ языкѣ—Капефига, Лопухина, Фаррара, Гольцмана и лишь частью—Хвольсона,—безъ изученія спеціальной литературы и первоисточниковъ въ подлинникахъ,—кромѣ Іосифа Флавія и Мишны, имѣющихся въ русскихъ переводахъ. Впрочемъ къ полному оправданію автора должно служить то, что компилятивность и поверхностность такихъ предварительныхъ общихъ главъ есть обычное явленіе, представляющее какъ бы невольную повинность для составителей отдѣльныхъ монографій по разнымъ частнымъ вопросамъ историческимъ.

Много выше въ научномъ отношеніи стоитъ вторая глава: „Царь Агриппа I“ (стр. 78—144). Краткая, но полная, живая, искусная характеристика Прода,—составленная при пособіи

строга научныхъ иностранныхъ работъ Шюрера, Гамбургера и Деренбурга, съ провѣркою ихъ по первоисточникамъ (Флавій и Талмудъ въ переводахъ, а Светоній въ подлинникѣ),—служить превосходнымъ научно-историческимъ комментариемъ къ данной главѣ Дѣяній, вполне уясняя, изображаемое здѣсь, отношеніе Ирода—Агриппы къ христіанамъ вообще и въ частности къ апостоламъ Іакову Зеведееву и Петру,—его явно несправедливую жестокость къ темничнымъ стражамъ, послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ удаленіе въ Кесарію, его поведеніе тамъ, а также его болѣзнь и смерть.

Слѣдующая третья глава (авторъ не совсѣмъ удачно называетъ ее первую главою второй части) общеисторической части труда о. Георгія посвящена установу хронологической даты гоненія Ирода—Агриппы на христіанъ и обзору состоянія первохристіанской церкви до этого гоненія (стр. 145—184). И объ этой главѣ приходится частію повторить то же, что сказано о первой. Апостольская хронологія есть совершенно специальная и самостоятельная область науки, весьма обширная и сложная, стоящая въ неразрывной связи не только съ хронологіей евангельской, но общебиблейской и греко-римской, и вообще всей всемірной исторіи,—имѣющая громадную специальную литературу. Поэтому здѣсь, какъ и въ первой главѣ, авторъ вынужденъ былъ послѣдовать примѣру иностранныхъ комментаторовъ книги Дѣяній Апостольскихъ, ограничась заслуженнымъ авторитетомъ стариннаго хронолога новозавѣтнаго—Визелера и новѣйшими указаніями у Шюрера. Также и обзоръ состоянія первохристіанской церкви до гоненія Ирода, хотя и довольно блѣдно и обще, но для специально-экзегетической задачи автора вполне удовлетворительно, въ достаточной мѣрѣ уясняя какъ общую историческую связь XII-й главы Дѣяній съ предшествующими, такъ и частныя, содержащіяся въ этой главѣ, событія.

Вторую, экзегетическую, часть своего труда (стр. 185—426 о. Георгій посвящаетъ подробному истолкованію XII главы Дѣяній, раздѣливъ ее, послѣ краткаго общаго обзора ея содержанія (стр. 185—187), на слѣдующіе отдѣлы: 1—4 ст. изображеніе гоненія Ирода—Агриппы на христіанъ (стр. 188—223),—ст. 5—12: освобожденіе Ап. Петра изъ темницы (стр. 223—290),—ст. 13—17: встрѣча Ап. Петра въ домѣ

Маріи, матери Ісанна Марка (стр. 290—351),—ст. 18—19: послѣдствія чудеснаго освобожденія Ап. Петра для его стражей (стр. 351—366),—ст. 20—23: послѣдствія гоненія для самого гонителя — болѣзнь и смерть Агриппы (стр. 367—411),—и заключительные стихи 24—25 (стр. 411—426).

Эта часть работы о. Георгія представляетъ обычный и уже установившійся въ наукѣ типъ послѣдовательнаго комментарія па данную главу Дѣяній, со всѣмъ научно-экзегетическимъ аппаратомъ какъ древне-отеческимъ (особенно—Златоустъ и стоящіе въ зависимости отъ него Икуменій и Теофилактъ), такъ и новѣйшимъ иностраннымъ—текстологическимъ (Тишендорфъ и Бляссъ), филологическимъ (Винеръ въ обработкахъ Люнемана и Шмиделя, Бляссъ и др.), историческимъ (Гольцманъ, Шюреръ и др.) и спеціально экзегетическимъ (Кнабенбауеръ, Фельтенъ, Бляссъ, Мейеръ, Вендтъ, Ебрардъ др. и изъ русскихъ еп. Михаилъ). Отъ этого типа уклоняются: *а*) довольно подробныя историческія справки объ Іаковѣ Зеведеевѣ, Іоаннѣ Маркѣ и особенно объ Іаковѣ братѣ Господнемъ въ связи съ общимъ вопросомъ о братьяхъ Господа, --и *б*) весьма обстоятельныя и основательныя экскурсы апологетическія относительно освобожденія Ап. Петра изъ темницы и смерти Ирода,—а частію также по вопросу объ источникѣ XII главы Дѣяній.

Въ качествѣ недостатковъ могу указать только на нѣкоторыя частности:

а) *По бібліографіи*: автору полезно было бы познакомиться съ трудами Ляйтфута, Шеттгена, Ветштейна, особенно же Вейцзеккера, Гарнака, Дейсмана и нѣк. др.

б) *По цитациіи*. Посланіе св. Игнатія Антиохійскаго къ Римлянамъ (глава 5-я) у автора почему то почитовано въ латинскомъ переводѣ по Кнабенбауеру, а не въ греческомъ подлинникѣ (стр. 234—235). Точно также Псалмы Соломона цитируются по Гольцману (стр. 43—русскій переводъ съ нѣмецкаго), хотя они имѣются въ изданіи греческой Библии у Swete,—а Филонъ — по Капефигу и Фаррару (тоже переведенныхъ съ французскаго и англійскаго). Эти, какъ и всѣ вообще, цитаты первоисточниковъ должны быть провѣрены авторомъ по первоисточникамъ въ оригиналахъ или по крайней мѣрѣ въ авторитетныхъ переводахъ.

в) *По стилистикѣ*: „инспекторскій обзоръ церквей Ап.

Петромъ“ (стр. 173)—тавтологизующій слово „обзоръ“, терминъ „инспекторскій“, въ современномъ его значеніи, совсѣмъ конечно не приложимъ къ апостольскому служенію и ничего общаго съ нимъ не имѣетъ,—стр. 229: „молитва чрезъ вѣру овладѣваетъ всемогуществомъ Бога“ (впрочемъ эта фраза принадлежитъ выдержкѣ изъ Лехлера),—стр. 371: „о скверныхъ отношеніяхъ Агриппы и Марса“,—стр. 428: „личность Спасителя казалась книжникамъ *меситомъ*“ (нужень русскій переводъ термина).

г) По предмету изслѣдованія желательны были бы дополнителныя трактаціи объ отношеніи данной главы ко всей книгѣ—со стороны цѣли, характера, источниковъ и стиля,—также дополненія къ Визелеру по части хронологіи, соотвѣтственно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, по указаніямъ Шюрера,—были бы не безынтересны и древне-апокрифическія свѣдѣнія о Маркѣ, Іаковѣ Зеведеевѣ и Іаковѣ братѣ Господнемъ, о Маріи матери Іоанна Марка и ея іерусалимскомъ домѣ (по Липсіусу, древнимъ паломничествамъ и др.),—надлежало бы изслѣдовать вопросъ объ отношеніи Дѣписателя къ Іосифу Флавію, въ интересахъ апологіи книги Дѣяній противъ отрицательной критики (Кеймъ и др.),—въ ст. 19-мъ терминъ „*ἀπαύρις*“ въ значеніи „смертной казни“ требуетъ спеціальной справки,—сюда же относятся слѣдующія неточности: стр. 22: „память (Гиркана) была предана фарисеями проклятію *предъ сканіей* (изъ Капефига), — стр. 118: „Агриппа получилъ титулъ Philo—Claudius“, но мнѣ извѣстенъ только „*φιλόκλαυρος*“,—стр. 209—210: довѣряясь Лехлеру, авторъ утверждаетъ, что по іудейскому праву въ праздники не дозволялось производить судъ и наказанія, между тѣмъ болѣе точное знакомство съ дѣломъ показало бы автору, что это запрещеніе относится только къ дѣламъ гражданскимъ, а не къ религіозно уголовнымъ,—стр. 374: чтеніе кодекса D въ 20-мъ стихѣ *ἐξ ἀποπέρας τῶν λόγων* (г. е. Тира и Сидона) авторъ невѣрно перевелъ: „изъ окружающихъ городовъ“.

д) *Особенно же по текстологіи.* Въ началѣ сочиненія, на стр. VІІІ, при указаніи источниковъ и пособій, авторъ не точно представляетъ значеніе сгль у Тишендорфа,—а при толкованіи приводитъ одни только майюскулы, и то не всегда тщательно,—всегда опускаетъ мнускулы и перѣдко переводы и писателей. Такъ въ ст. 1-мъ къ чтенію *ὁ βασιλεύς*

Ἡρώδης опущены 66 (61 у Tregelles'a) с (ser) Evs (codd^t et ed). Chrys.,—а къ чтенію *Ἡρώδης ὁ βασιλεύ.* опущены: ab pler. Vg. Evs (codd). Chrys (codd). Chron. Lef (Lucifer, котораго однакожь авторъ, вслѣдъ за Blass'омъ обычно цитуетъ). Въ ст. 2-мъ къ *καί* опущены: Chron 76 и нѣк. чит. *δέ καί*. Въ ст. 3-мъ къ *ἔστιν* надо такъ: s's on. а s/s с имѣть,—*ιδωρ δε* on. B. 61. al plus 10 Cat. Vg. Sah. Copt. Chrys.,—„послѣ *ἰουδαίοι:* имѣется прибавленіе *ἢ ἐπιχειροῦσι αὐτοῦ ἐπὶ τοῖς πιστοῦς* въ сир. поздн“. (такъ у автора), а надо точнѣе: Сир. Геракл. на полѣ=Сyr. p. mg. (вѣроятно авторъ не прочиталъ сокращенія) mg=in margine). Въ ст. 4-мъ опущено, что у Lef (Lucifer), вообще цитуемаго авторомъ по Blass'у, не чит. *εἰς φιλαζήν*,—далѣе къ чтенію *ἐν φυλακῇ* надо бы такъ: Egr. и 19 Lect (богослужебныхъ апостоловъ),—къ *ἀναγγέειν* d. Vg. clem. Let. Syr. p mg. e,—а къ *ἄγειν*: кромѣ А нѣк. мин. и лекц. Sursch и p. txt (въ текстѣ, а не на полѣ). Въ ст. 5 мѣ должно поправить такъ: послѣ *ἐν τῇ φυλακῇ* прибавляютъ: а cohorte regis Syr p. с^t и Vg. Hier. cod. R (10 в. по Wordsworth'у), а приводимый авторомъ греческій текстъ *ἐπὶ τῆς βασιλικῆς βουλευῆς* есть только предположительное возстановленіе греческаго оригинала, въ рукописяхъ не сохранившагося, помѣщенное Бляссомъ не въ вариантахъ текста, какъ одинъ изъ таковыхъ, но въ толкованіи. Здѣсь же код. D, вопреки утвержденію автора не читаетъ слова *γινομένη*, а въ концѣ, напротивъ прибавляетъ *περὶ αὐτοῦ*, кромѣ ζ, имѣеть еще А^z вѣроятно (у автора просто и безъ оговорокъ А), В (у автора опущенъ), нѣк. мин. Вульг. и Люциф. (у автора также опущены), а *ἐκτενής* имѣють, опущенные авторомъ, А 2 мин. мин. Вас. Злат. Сев. Вмѣсто *γινομένη* чит. *γενομένη* P. мн. мин. нѣк. Итал. Въ числѣ чтеній *περὶ* вм. *ἐπέο* у автора опущенъ А 2, а въ ст. 7-мъ опущено чт. d: rungens. Подобныя же неточности имѣются и въ другихъ стихахъ толкуемой главы.

Наконецъ у автора совсѣмъ отсутствуетъ критика славяно-русскаго текста, соотвѣтственно древне-славянскимъ чтеніямъ толкуемаго имъ отдѣла, которая могла бы дать автору нѣкоторыя дополненія и исправленія, напримѣръ: ст. 12 греч. *συνδόν* въ древне-славянскомъ и теперешнемъ славянскомъ переведено непонятнымъ „*смотривъ*“, въ Толстовскомъ Апостолѣ 14 в. переведено болѣе понятнымъ „*раз-*

смотривъ“, или еще лучше у Скорины: „осмотревся“, тепер. русс. „осмотрѣвшись“, собственно: „прійдя въ себя, въ сознание“.

Въ ст. 17 вм. „*помаавъ*“ у св. Алексія лучше и понятнѣе для настоящаго времени: „*потрясъ*“, русск. „*давъ знакъ рукою*“.

Ст. 18 вм. „*молва*“ св. Ал. „*мятежъ*“, русск. „*тревога*“, греч. *τάραχος*...

На стр. 362-ой разсужденіе автора о славянскомъ переводѣ ст. 19-го: „славянскій переводъ *ἀπό τῆς ἰουδαίας*—*отъ Иудей*— не точенъ; въ русскомъ совершенно правильно „*изъ Иудей*“—представляетъ невмѣняемую автору ошибку, за которую отвѣтственность должна быть всецѣло возложена на синодальнаго (Московского?)—напр. изд. 1905 г. Москва, in 8-во, Новый Заветъ на славянскомъ и русскомъ) справщика, корректировавшаго то изданіе, коего экземпляръ случайно былъ у автора,—ибо ни въ другихъ изданіяхъ, ни въ древнеславянскихъ текстахъ нѣтъ приводимаго авторомъ чтенія, но вездѣ правильно: „*отъ Иудей*“. Все разсужденіе автора на стр. 368—370 о славянскомъ текстѣ 20-го стиха, предполагающемъ „въ рукахъ переводчиковъ списокъ, нѣсколько отличный отъ того, который впоследствии сдѣлался общепринятымъ“ и пр.—кромѣ неточнаго представленія о такъ называемомъ „принятомъ текстѣ—*textus receptus*“—основано на незнаніи, что теперешній славянскій текстъ часто отстаетъ отъ древнеславянскихъ чтеній, и нерѣдко съ ухудшеніемъ текста, какъ здѣсь. Теперешнее „*страны*“ (множ. число) ихъ отъ царства его питахуся“, имѣющееся только въ D. Vg. и у LCX..., появляется лишь въ позднѣйшихъ славянскихъ, напр. въ печатн. изд. Скорины 1525 г. Острож 1581 г., Кут. 1642 и Кіев. 1788,—очевидно подъ влияніемъ католической вульгаты. Напротивъ, древнѣйшіе тексты имѣютъ единственное число, соотвѣтственно авторитетному тексту оригинала. Такъ Христин. Ап. 12 в. „зана питѣти се земли (дат. пад. ед. ч.) ихъ“,—Карп. 13 в. у Амфил: „*странъ* ихъ“.—Толст. 14 в. *ibid* „*страна* ихъ“,—Св. Ал: „*странъ* ихъ“ и др. Подобный же примѣръ представляетъ разсужденіе автора относительно славянскаго чтенія въ 25-мъ стихѣ: „*изъ Иерусалима въ Антиохію*“, соотвѣтствующаго греч. *ἐξ* въ Алекс. код. и многихъ минускулахъ (опущенныхъ у автора),

Сирекимъ пешито и Геракл. въ текстѣ, Сагид. Копт. Арм. Θεϊοπ.,—или *εἰς* въ DE мн. мин. (отс. у автора) Вульг.,— въ нѣк. еще съ прибавленіемъ *εἰς ἀντιοχείαν* именно: мн. мин. (оп. у автора), Сир. пеш. Саг. и въ теперешнемъ славянскомъ, но чтеніе *εἰς* вмѣсто *εἰς* и *ἀπο*, засвидѣтельствованное указанными авторомъ ζ (Син. 4 в.) В (ват. 4—5 в) NLP. и не указанными у него многими минускулами Syr. mg, Aethro, ар., Злат. рки. нѣк. Θεοφιλ.,—но всѣмъ текстологическимъ соображеніямъ *болѣе вѣроятно*, а прибавка *εἰς ἀντιοχείαν* *несомнѣнно* неподлинна (ср. Westcott and Hort, the New testament, Notes ad. h. l.). Также и древнеславянскіе—Христин. Карп. Св. Алексѣй др. читаютъ: „въ іерусалимъ“ и безъ прибавки: „въ Антиохію“.

Всѣ эти, совершенно частные и легко исправимые недостатки нимаго не затемняютъ главныхъ и общихъ достоинствъ работы о. Георгія, именно:

а) *Основательности* въ опроверженіи отрицательно-рационалистическихъ воззрѣній на изслѣдуемую главу книги Дѣяній Апостольскихъ—съ одной стороны,—и въ раскрытіи правоты церковно-православнаго экзегеса, особенно въ лицѣ его корифея Златоуста—съ другой.

б) *Полноты и всесторонности изученія* предмета какъ со стороны общенсторической (вторая глава первой части) такъ и специально-экзегетической.

в) Наконецъ, *краткости, ясности и чистоты* русскаго языка.

Въ виду указанныхъ достоинствъ трудъ о. Георгія должно признать не только совершенно удовлетворительнымъ для ученой степени кандидата богословія, но и заслуживающимъ полного одобренія“.

б) Экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго:

„Тема, взятая студентомъ священникомъ Г. Добронравовымъ для кандидатской работы, обязывала автора изслѣдовать исторію гоненій Ирода на христіанъ въ связи съ религіознымъ и политическимъ состояніемъ іудейскаго общества, въ средѣ котораго возростала юная христіанская Церковь. И такъ какъ секты фарисеевъ и саддукеевъ представляли изъ себя наиболѣе типичное выраженіе религіозно-нравственной жизни іудеевъ времени Христа Спасителя, то

о. Георгій Добронравовъ долженъ былъ уяснить себѣ отношеніе къ христіанству представителей этихъ сектъ, имѣвшихъ вліяніе и на правителей Іудеи. Все это авторъ рецензируемой нами работы и сдѣлалъ въ 1-й главѣ своего изслѣдованія. И если онъ не входилъ въ подробное обзорнѣе религіознаго и политическаго состоянія іудейскаго общества въ первые годы жизни христіанской Церкви и обратилъ преимущественное вниманіе на два встрѣчныхъ теченія, созданныхъ фарисействомъ и саддукействомъ, то въ этомъ сказалась лишь его способность къ ориентировкѣ при выясненіи сложнаго вопроса. Этотъ вопросъ могъ быть обслѣдованъ, конечно, и болѣе детально. Но авторъ соизмѣрять, очевидно, планъ работы съ тѣмъ временемъ, которымъ располагалъ онъ при выполненіи ея, чѣмъ вполнѣ объясняется и общій характеръ ея, поскольку мы касаемся первой главы изслѣдованія.

Являясь какъ бы продолженіемъ общеисторическаго фона для послѣдовательнаго экзегеса XII-й главы книги Дѣяній, вторая и третья главы изслѣдованія о. Георгія являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразительными показателями работоспособности автора.

Въ частности, во 2-й главѣ онъ даетъ, на основаніи капитальныхъ трудовъ въ области библейско-богословской литературы (напр. Schürer, Felten, Deisenburg и др.), а гдѣ нужно и на основаніи первоисточниковъ, живую, яркую характеристику Агриппы въ связи съ обстоятельствами его личной жизни, которая опредѣлила и его отношеніе къ христіанству. Въ этой характеристикѣ дается полная психологія гонителя на христіанъ—Агриппы. Въ 3-й главѣ авторъ даетъ хронологію гоненія при Иродѣ Агриппѣ. II разработка этой главы показываетъ, что авторъ можетъ легко разбираться въ обширной литературѣ, какая имѣется по указанному вопросу, и—извлекать изъ нея такія данныя, которыя необходимы ему для цѣли его изслѣдованія.

За общеисторическою частью сочиненія студента священника Георгія Добронравова слѣдуетъ обстоятельный экзегесъ XII-й главы книги Дѣяній. Въ этой части работы также видѣнъ авторъ, внимательно относившійся къ ней. При послѣдовательномъ истолкованіи XII-й главы онъ пользовался обширною святоотеческою, наиболѣе цѣнною русскою и за-

падною, преимущественно германскою, литературою, а также различными кодексами. Давая научными справками обоснованность истолковательной части своей работы, студент священник Г. Добронравовъ далъ въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣчто такое, что заставляеть смотрѣть на слово Божіе какъ на книгу Откровенія, содержащую въ немногѣмъ многое...

Въ виду указанныхъ достоинствъ сочиненія священника Добронравова, оно должно быть признано талантливою кандидатскою работою, которая даетъ основаніе выразить пожеланіе, чтобы авторъ ея получилъ возможность работать на пользу высшей богословской науки при благопріятныхъ обстоятельствахъ“.

14) О сочиненіи студента *Доброхотова Алексѣя* на тему: „Погребальныя обычаи и представленія о загробномъ мірѣ въ древней Руси“.

Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Послѣ введенія (I) авторъ дѣлаеть оцѣнку своихъ источниковъ (II), трактуетъ о погребальныхъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ языческаго происхожденія (III и IV), погребальныхъ обычаяхъ и представленіяхъ христіанскихъ о загробномъ мірѣ (V и VI), объ установленныхъ церковью дняхъ поминовенія (VII) и наконецъ о разностороннихъ вліяніяхъ па древне-рускія представленія о загробномъ мірѣ (VIII).

Судя по приведенному содержанию главъ сочиненія, г. Доброхотовъ исчерпалъ свою тему и далъ всестороннее описаніе языческихъ и христіанскихъ погребальныхъ обычаевъ въ древней Руси и связанныхъ съ ними воззрѣній на загробную судьбу человѣка. Но давъ именно описаніе въ отвѣтъ на разныя стороны вопроса, авторъ не сумѣлъ представить историческаго очерка изучаемыхъ имъ явленій. Не попытался указать того, въ какомъ порядкѣ и когда въ разныхъ мѣстахъ Руси языческій элементъ погребальныхъ обрядовъ вытѣснялся христіанскимъ. Какъ относилась церковь къ этимъ языческимъ пережиткамъ въ обрядахъ и воззрѣніяхъ? Какія средства употребляла она въ борьбѣ съ непорядками? или быть можетъ и сама кое что приняла изъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ?—вотъ важные вопросы, на

которые нѣтъ отвѣта въ данномъ сочиненіи. Объясненіе этого пробѣла надо искать въ томъ, что авторъ не изучалъ пристально первоисточниковъ, а довольствовался большею частію тѣмъ, что давали ему пособія, и оттого кажется не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ историческую послѣдовательность изучаемыхъ явленій. Самая оцѣнка источниковъ сдѣланная г. Доброхотовымъ, нуждается въ поправкахъ. То правда, что письменныя свидѣтельства о погребальныхъ обрядахъ нашихъ предковъ источникъ болѣе надежный, чѣмъ памятники монументальныя (курганы, могильники), но это еще не давало автору права игнорировать послѣдніе. Затѣмъ, не всѣ письменныя источники имѣютъ одинаковую важность, какъ склоненъ повидимому думать авторъ, не всѣ они превосходятъ своимъ значеніемъ источники монументальныя, напр., вовсе не одно и то же значеніе имѣютъ драгоценное описаніе языческихъ погребальныхъ обрядовъ у древняго лѣтописца и какое--н. неизвѣстно откуда взявшееся поученіе или статья Синодика. Наконецъ, придавая такое значеніе письменнымъ источникамъ, авторъ обязывался бы этимъ самымъ внимательно изучить ихъ. Между тѣмъ онъ иногда беретъ свидѣтельства изъ вторыхъ рукъ, притомъ изъ важныхъ для него памятниковъ (стр. 112—житіе Константина Муромскаго у Карамзина I, пр. 236; съ Вопросаніемъ Кирика авторъ знакомъ лишь по отрывкамъ, приведеннымъ въ Ист. госуд. рос. II, 380 пр.—см. 139 и 147 стр.). Другими источниками онъ пользуется въ устарѣвшихъ изданіяхъ (стр. 73—Сборникъ Кирши Данилова по изд. 1818 г.) или настолько невнимательно, что путаетъ имена авторовъ: барона Мейерберга называетъ Мейеромъ (158), а „Описаніе Кіево-Печерской лавры“ приписываетъ митр. Филарету (161). Недостаточная освѣдомленность по части источниковъ вынуждала автора стать въ зависимость отъ пособій... Извиненіемъ для г. Доброхотова служить сложность его темы, многочисленность и, главное, разбросанность источниковъ. Притомъ же ему нельзя отказать въ довольно обширной начитанности по литературѣ своего вопроса. Поэтому слѣдуетъ признать г. Доброхотова вполне заслуживающимъ степень кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *А. Ш. Голубцова*:

„Сказавъ во введеніи о „всеобщности въ родѣ человѣческомъ идеи загробнаго міра“ и живучести связанныхъ съ нею погребальныхъ обычаевъ, авторъ пытается уяснить въ дальнѣйшемъ предстоящую ему задачу и свое отношеніе къ источникамъ. „Наша задача“, пишетъ онъ, „ознакомиться съ первоначальнымъ содержаніемъ идеи загробнаго міра въ древне-русскомъ сознаніи, воскресить древнюю жизнь предковъ, ходъ народнаго міросозерпанія, исторію духа, убѣжденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какъ данная идея въ теченіе многовѣкового ея существованія на русской почвѣ воплощалась въ погребальныхъ обычаяхъ и обрядахъ. А для этого необходимо приподнять завѣсу исторіи, проникнуть въ глубину вѣковъ и отряхнуть пыль съ тѣхъ историческихъ монументовъ и хартій, которыя въ томъ или другомъ видѣ сохранились до нашего времени“ (стр. 26—27). Осуществить такъ широко поставленную задачу, разумѣется, весьма трудно и г. Доброхотовъ, понятно, ея не осуществляетъ. Онъ просто описываетъ сначала погребальные обычаи у русскихъ—язычниковъ, характеризуетъ ихъ представленія о потустороннемъ мірѣ, рассказываетъ о празднествахъ по умершимъ, а затѣмъ ведетъ подробныя рѣчи о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли у нашихъ предковъ, съ принятіемъ христіанства, въ ихъ погребальныхъ обрядахъ, взглядѣ на загробную жизнь, въ поминовеніи усопшихъ. До „отряхиванія пыли съ историческихъ монументовъ и хартій“ нашъ авторъ, конечно, далеко не дошелъ, первоисточниковъ, особенно вещественныхъ данныхъ онъ, можно сказать, не изучалъ, не далъ себѣ труда заглянуть и въ разные этнографическіе сборники и Обзорнія, въ которыхъ нашелъ бы не скудный для себя матеріалъ. Онъ ознакомился больше изъ вторыхъ рукъ. Впрочемъ, все существеннѣйшее въ литературѣ по данному предмету ему извѣстно; послѣдній имъ изученъ достаточно и въ общемъ изложенъ удовлетворительно. Что касается подробностей литургико-археологическаго свойства, то въ отношеніи къ нимъ желательно было бы со стороны автора болѣе внимательное ознакомленіе. Имѣемъ въ виду его необстоятельныя сужденія о диптихахъ, гробницѣ Ярослава Мудраго; его обширныя, механически сдѣланныя вы-

писки изъ чиновнослѣдованій. Нельзя также одобрить довольно небрежной цитации (Мейеръ вм. Мейербергъ, Филаретъ вм. Евгеній, Костомаровъ вм. Тихонравовъ, стрр. 158—212), не серьезнаго по мѣстамъ тона (стр. 156—157), грубыхъ грамматическихъ и стилистическихъ погрѣшностей (стрр. 2, 14, 15, 20, 28, 30—31, 41, 63, 64, 77, 96, 99, 119, 121, 130, 134, 136 и т. д.). Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

15) О сочиненіи студента *Ефимова Федора* на тему: „Константинъ Борковскій, какъ проповѣдникъ“.

а) Исправляющаго должность доцента *Н. Л. Туницкаго*:

„Архимандритъ Константинъ Борковскій принадлежитъ къ числу забытыхъ писателей-проповѣдниковъ 18-го вѣка. Хотя въ послѣднее время о немъ и вспомнили, но вся литература, посвященная ему, ограничивается всего лишь двумя статьями, изъ которыхъ одна появилась уже тогда, когда г. Ефимовъ взялся за свой трудъ. Задачей его изслѣдованія было ввести новаго писателя въ соотвѣтствующую историческую перспективу, изучить его сочиненія по рукописному сборнику (изъ собранія Щукина) и произвести ихъ характеристику и оцѣнку. Эту задачу авторъ выполнилъ вполне успѣшно. Въ своемъ сочиненіи онъ даетъ картину проповѣдничества въ Россіи въ 17—18 столѣтіяхъ, строитъ біографію Борковскаго, насколько это позволяютъ данныя, уцѣлѣвшія въ дѣлахъ Архива Св. Синода, характеризуетъ опытъ его пастырскаго богословія, тѣсно связанный съ его проповѣдничествомъ, наконецъ, подвергаетъ разбору его поученія со стороны содержанія, формы и отчасти языка. Черезъ все сочиненіе проходитъ стремленіе автора къ документальному, строго провѣренному изложенію дѣла. Ясность и послѣдовательность суждений соединяется съ умѣніемъ разбираться въ историко-литературномъ матеріалѣ. Изъ существенныхъ недостатковъ сочиненія нужно отмѣтить слѣдующіе: а) въ общей характеристикѣ проповѣдничества 17—18 в. авторъ съ излишнимъ вниманіемъ останавливается на общеизвѣстныхъ фактахъ русской исторіи этого періода, опуская немаловажныя черты проповѣдничества; б) сочиненію недо-

стаетъ обстоятельныхъ свѣдѣній о сборникѣ Щукина, послужившемъ для автора первоисточникомъ, равно какъ вѣтъ необходимыхъ свѣдѣній и о размѣрахъ литературныхъ трудовъ Борковскаго, вошедшихъ въ этотъ сборникъ; в) простота стиля переходитъ иногда въ излишнюю упрощенность, производя неблагоприятное впечатлѣніе стилистической безцвѣтностью и даже неряшливостью.

Въ общемъ же сочиненіе нужно признать хорошимъ, а его автора заслуживающимъ кандидатской степени.“

б) Экстраординарнаго профессора *Н. Г. Городенскаго*:

„Сочиненіе г. Ефимова состоитъ изъ шести главъ, изъ которыхъ три первыя имѣютъ для темы лишь подготовительное значеніе: авторъ говоритъ здѣсь о состояніи русскаго проповѣдничества въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, даетъ краткую біографію и характеристику Константина Борковскаго и, наконецъ, знакомитъ насъ съ его воззрѣніями на папство. Собственно проповѣдническая дѣятельность Константина Борковскаго характеризуется въ трехъ остальныхъ главахъ, изъ которыхъ наиболѣе существенное значеніе имѣютъ четвертая и пятая. Въ четвертой главѣ авторъ разсматриваетъ проповѣди Константина Борковскаго со стороны содержанія, различая въ нихъ три основныхъ элемента („три направленія“, какъ выражается г. Ефимовъ): историко-панегирической, нравоучительной и обличительной. Въ главѣ пятой авторъ останавливается на внѣшней формѣ проповѣдей Константина Борковскаго, показывая, что въ ихъ построеніи проповѣдникъ слѣдовалъ правиламъ схоластической риторики и только къ концу жизни обнаруживалъ стремленіе освободиться отъ искусственности схоластическихъ приемовъ. Глава шестая производитъ впечатлѣніе случайнаго придатка къ сочиненію, такъ какъ ея основныя мысли легко могли бы найти себѣ мѣсто въ предшествующихъ главахъ, по отношенію къ которымъ эта заключительная глава является отчасти дополненіемъ, а отчасти даже повтореніемъ.— Не смотря на очень скромные размѣры той части сочиненія, которая прямо отвѣчаетъ на вопросъ темы (стр. 97—231), авторъ даетъ на этотъ вопросъ достаточно обстоятельный и толковый отвѣтъ, причемъ для правильной оцѣнки труда г. Ефимова нельзя не упомянуть о томъ, что

въ разработкѣ своей темы онъ не имѣлъ предшественниковъ. Языкъ сочиненія очень простой и безыскусственный; на это можно бы было указать съ похвалою, если бы безыскусственность здѣсь у автора не граничила иной разъ съ беспомощностью. Для кандидатской степени сочиненіе вполне достаточно“.

16) О сочиненіи студента *Иллювіева Павла* на тему:

„Физическія явленія въ Библейскомъ повѣствованіи (въ связи съ общимъ библейскимъ взглядомъ на природу):“

а) Исправляющаго должность доцента *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Иллювіева представляетъ собою соединеніе двухъ относительно самостоятельныхъ изслѣдованій, причемъ первое могло бы быть озаглавлено: Общія черты Библейской космологіи, а второе—собственно отвѣчало бы на тематическій вопросъ: Физическія явленія въ Библейскомъ повѣствованіи. Однако первая часть сочиненія, несмотря на свою нѣкоторую изолированность отъ второй, какъ части аналитической, сравнительно со второю, по преимуществу синтетической, не бесполезна въ качествѣ *pius* описанія явленій физическаго міропорядка. Авторъ тщательно собралъ подходящій для трактуемаго предмета матеріаль въ Библейской конкорданціи масоретскаго текста, что дало ему возможность нѣсколько разобратся въ Библейской синонимикѣ (разумѣется, специально въ области выраженій, касающихся явленій внѣшней природы). Относительно результатовъ изслѣдованія авторомъ Библейской космологіи рецензентъ долженъ указать на правильность вывода о несоединимости въ Библейскомъ представленіи неба и земли въ одно понятіе вселенной, поскольку и Библейскій языкъ не выработалъ особаго выраженія, аналогичнаго классическимъ *κοσμος-universum*. Вопросъ о множественности небесъ (Шамаймъ-Шемэ Гашшамаймъ) достаточно обозрѣвается авторомъ, равно съ апологетическою цѣлью дается точная Библейская концепція о нематеріальности неба. Въ трактации вопроса объ „основаніяхъ земли“, ео *ipso* ея кажущейся неподвижности по даннымъ Библии, авторъ достаточно уясняетъ намѣреніе Библейскихъ писателей только отмѣтить точно установлен-

ный модуль дѣйствования силъ въ области земныхъ явленій физическаго типа. Особенностью Библейской космологіи авторъ считаетъ религіозно-этическій взглядъ на внѣшнюю природу, по которому и явленія физическаго типа ставятся въ зависимость отъ непрестаннаго дѣйствования Бога-Промыслителя, что обращаетъ природу для человѣка въ „наставницу нравственности“ и въ „вѣстницу Божественной воли“.

Во второй доминирующей части работы г. Иллювіева замѣчается такой распорядокъ матеріала: отъ обозрѣнія явленій съ болѣе тонкою матеріальностью (оптическіе и термическіе метеоры) онъ переходитъ къ явленіямъ осязательно матеріальнымъ, каковы гидрометеоры. Заключительный отдѣлъ этой части трактуетъ объ электрометеорахъ и о рѣдкихъ явленіяхъ неустановленнаго съ точностью наукою происхожденія. Относительно этой части изслѣдованія г. Иллювіева рецензентъ долженъ высказать нѣкоторыя desideria: 1) авторъ могъ сказать большее о символизмѣ явленій природы, 2) дать болѣе указаній на значеніе Библейскихъ описаній явленій внѣшней природы для метафорической рѣчи поэтическихъ отдѣловъ Библии, 3) ввести въ рубрику „экстраординарныхъ явленій“ такія Библейскія описанія физическихъ явленій, гдѣ при безусловной наличности чудеснаго происхожденія не можетъ быть однако отрицаема ихъ матеріальность, напримѣръ, каменный градъ, луна, превращающаяся въ кровь и т. п. Безусловно желательнымъ для этой части сочиненія являлось бы введеніе болѣе многочисленныхъ цитатъ изъ новозавѣтныхъ писаній, хотя бы для выясненія основнаго понятія *φύσις* въ Библейскомъ словоупотребленіи. Рѣчь Апокалипсиса объ ангелахъ водъ, огня также требовала бы отъ писавшаго разъясненія, равно нѣкоторыя обойденныя молчаніемъ ветхозавѣтныя мѣста, гдѣ возможно открытъ основаніе для символа въ явленіяхъ природы. Во всякомъ случаѣ г. Иллювіевъ представилъ вполне достаточную кандидатскую работу“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Интересное въ цѣломъ кандидатское сочиненіе студента Иллювіева, написанное при томъ почти вездѣ правильнымъ языкомъ, заставляетъ говорить болѣе о его достоинствахъ, чѣмъ о недостаткахъ. Въ своей работѣ г. Иллювіевъ всюду

является православнымъ богословомъ, не только просто описывающимъ физическія явленія, о которыхъ говоритъ Библия, но и разсматривающимъ ихъ въ соотношеніи съ идеею о Богѣ. Извѣстныя изреченія Григорія Богослова, что „небо, земля, море—словомъ, весь міръ есть великая и преславная книга Божія, въ которой открывається Богъ“ и что „природа, какъ на общемъ торжествѣ, предложила все, чтобы ты позналъ Бога“—эти изреченія могли бы быть общими эпиграфами для библейско-апологетическаго изслѣдованія г. Иллювіева. Чтобы придать такой характеръ своей работѣ, г. Иллювіевъ долженъ былъ принять во вниманіе замѣчанія рационалистической критики, которая утверждаетъ иногда, что авторы священныхъ книгъ, и особенно Моисей, какъ авторъ Пятокнижія, описывая различныя событія изъ жизни народа Божія, не знали общаго характера тѣхъ странъ, о которыхъ они говорятъ, и далѣе—заключаетъ отсюда, что они и не могли быть, поэтому, ни богодухновенными писателями, ни современниками описываемыхъ ими событій. И г. Иллювіевъ хорошо справляется съ этою задачею, давая правильное истолкованіе тѣмъ физическимъ явленіямъ, о которыхъ говоритъ Библия. Чтобы придать большую основательность своимъ сужденіямъ, авторъ сличаетъ иногда текстъ еврейской и греческой Библии и только послѣ такого сличенія дѣлаетъ свои выводы. Правда, для полной законченности своей работы авторъ могъ бы обстоятельнѣе сказать о символизмѣ явленій природы, показать внутреннюю связь между физическими явленіями природы и явленіями нравственнаго порядка, поясненными въ Библии чрезъ сравненіе съ первыми. Но этотъ недостатокъ въ сочиненіи студента Иллювіева искупается выше указанными достоинствами его, почему мы и признаемъ сочиненіе г. Иллювіева вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

17) О сочиненіи студента *Ювлева Александра* на тему: „Средства содержанія левитскаго священства по Библии и мишиѣ“.

а) Исправляющаго должность доцента *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Ювлева посвящено выясненію спеціальнаго вопроса изъ сферы древне-еврейскаго культа, именно во-

проса о содержаніи ветхозавѣтныхъ священниковъ и левитовъ, получавшемся ими отъ народа. Сочиненіе состоитъ изъ 2 частей, изъ которыхъ первая обзрѣваетъ Библейскія данныя касательно десятины, левитскихъ городовъ, жертвенныхъ долей священниковъ отъ кровавыхъ приношеній, данныя при томъ конспективныя, такъ какъ авторъ имѣетъ въ этой части своей работы особую цѣль,—онъ трудится надъ опроверженіемъ тѣхъ возраженій, какія исходятъ отъ представителей западной библейской науки и направлены противъ допущенія синхронизма (относительнаго) заповѣдей о левитскомъ содержаніи въ Пятокнижии Моисея,—разумѣемъ кажущееся противорѣчіе въ показаніяхъ книгъ Левитъ и Второзаконія. Вслѣдствіе малаго значенія для православнаго богословія западнаго гиперкритицизма въ области библиологическихъ изысканій, большую цѣнность въ нашихъ глазахъ имѣетъ 2 половина сочиненія г. Ювлева, гдѣ онъ послѣдовательно останавливается: 1) на мѣстахъ жительства священниковъ и левитовъ по ихъ наименованію, 2) на способѣ отдѣленія десятины и ея видахъ, 3) на десятинѣ отъ десятины (маасеръ минъ гаммаасеръ), 4) на бекоротахъ, т. е. первородныхъ изъ домашней фауны, 5) на биккурамахъ, т. е. первыхъ плодахъ, 6) на принесеніи въ даръ урожая 4 года (послѣ т. н. необрѣзанія растений—орля) и геза, части стриженной шерсти, равно халлы, первинокъ хлѣбнаго тѣста и въ 7) на менѣ существенныхъ полученныхъ ветхозавѣтныхъ священниковъ и левитовъ, пріобрѣтавшихся ими спорадически и случайно. Заключительный отдѣлъ сочиненія представляетъ опытъ оцѣнки матеріальнаго положенія колѣна Левіина сравнительно съ обезпеченіемъ жреческаго сословія въ античномъ языческомъ мірѣ. Изъ общихъ своихъ „desideria“ рецензентъ долженъ прежде всего указать на желательность большей освѣдомленности автора въ казуистикѣ талмуда, гдѣ писавшій напрасно искалъ общихъ положеній и выводовъ. Выписки изъ мишны и тосефты соответственныхъ трактатовъ были бы болѣе цѣнными, чѣмъ длинноватые разсужденія полемическаго характера, направленные противъ западныхъ критиковъ Библии. Положеніе второй десятины, маасеръ шени, и ея отношеніе къ т. н. десятинѣ бѣднаго было бы лучше освѣтити данными талмудическаго права, чѣмъ прибѣгать къ отвле-

ченнымъ разсужденіямъ, въ обилии которыхъ вообще *abusus* сочиненія. По мѣстамъ авторъ пытается давать излишнія филологическія справки (напримѣръ, стр. 39 по поводу реченій: Геръ и гаръ (существительное и калъное причастіе глагола гуръ) или касательно смысла глагола завахъ (стр. 43), тогда какъ иной разъ скупъ на такія разъясненія, напримѣръ, по поводу слова „миграшъ“, въ отнесеніи къ полю левитскихъ городовъ, при чемъ деривація отъ глагола гарашъ болѣе проливаетъ свѣта, чѣмъ какіе-либо рисунки и воображаемые планы древняго еврейскаго города. По мѣстамъ замѣчаются и нѣкоторыя неточности въ выраженіяхъ, напримѣръ, стр. 33 по поводу святилища и священниковъ, или стр. 52 по поводу обученія левитовъ, или стр. 81 о десятинѣ *отъ всего*, равно стр. 133 объ одеждахъ изъ овечьей шерсти на литургахъ. Однако подобныя небольшія погрѣшности какъ *lapsus manus* не мѣшаютъ работѣ г. Іовлева быть вполне достаточнымъ кандидатскимъ разсужденіемъ“.

б) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора
А. П. Шостына:

„Прежде чѣмъ приступить къ подробному раскрытію вопроса о средствахъ содержанія ветхозавѣтныхъ священниковъ и левитовъ“, г. Іовлевъ считаетъ необходимымъ „отмѣтить существующія разности въ (библейскихъ) законоположеніяхъ и такъ или иначе ихъ объяснить“ (Предисл. стр. 3—4). Поэтому всю *первую* часть сочиненія (стр. 4—53) онъ посвящаетъ выясненію разностей въ законоположеніяхъ такъ-называемаго „священническаго кодекса“ (глав. обр. книги Левитъ) и Второзаконія, при чемъ немало мѣста удѣляетъ полемикѣ съ представителями отрицательной критики.

Вторая часть (53—162) рисуетъ въ деталяхъ „экономическое положеніе левитовъ, священниковъ и первосвященника по даннымъ Библии и Мишны“. II здѣсь авторъ также внимательно сопоставляетъ различныя законоположенія по этому предмету, нерѣдко полемизируетъ съ западными богословами отрицательнаго направленія, анализируетъ многіе еврейскіе термины и приводитъ справки изъ области ветхозавѣтнаго культа.

Наконецъ, въ заключительномъ отдѣлѣ (162—178) онъ

сравниваетъ матеріальное положеніе левитовъ и священниковъ съ таковымъ же положеніемъ древнихъ языческихъ жрецовъ.

Такимъ образомъ, при небольшомъ (сравнительно) объемѣ, сочиненіе г. Говлева представляется весьма содержательнымъ и серьезнымъ. Для степени кандидата богословія оно совершенно достаточно“.

18) О сочиненіи студента *Казанскаго Платона* на тему: „Керженскіе отвѣты. Ихъ происхожденіе, содержаніе и общая оцѣнка съ точки зрѣнія православной противораскольнической полемики“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*:

„Рецензируемый трудъ г. Казанскаго состоитъ изъ довольно обширнаго изслѣдованія (XVII—313) и приложений къ нему (последнія 38 стр. двойной нумераціи); между тѣмъ и другими помѣщено, послѣ длиннаго списка источниковъ и пособій (стр. 314—320), подробное и тщательно составленное оглавленіе (стр. 321—333), дѣлающее излишнимъ пересказъ содержанія разсматриваемой работы и позволяющее ограничиться замѣчаніями о качествахъ ея, какъ диссертациі на ученую степень.

По моему мнѣнію, авторъ прекрасно выполнилъ взятую имъ на себя задачу. Предметъ сочиненія—одинъ изъ важныхъ и мало обслѣдованныхъ памятниковъ раскольнической письменности XVIII вѣка—изученъ имъ всесторонне и настолько полно, что едва ли можно требовать большаго отъ срочной студенческой работы. Не довольствуясь печатными изданіями „Керженскихъ отвѣтовъ“, г. Казанскій сопоставилъ его съ рукописнымъ текстомъ послѣднихъ, имѣющимся въ академической библіотекѣ, а весьма нелегкіе для московско-академическаго студента поиски въ другихъ книгохранилищахъ дали ему возможность полнѣе своихъ предшественниковъ освѣтить по неизданнымъ еще матеріаламъ обстоятельства происхожденія изучаемаго памятника. Въ общемъ построеніи изслѣдованія, постановкѣ частныхъ вопросовъ и способѣ ихъ трактованія ясно проглядываетъ, кромѣ несомнѣннаго трудолюбія, и достаточно опредѣлив-

шійся навкъ къ ученой работѣ, дѣлающей честь начинающему автору. Въ виду указанныхъ качествъ сочиненія кое-какіе мелкіе недочеты въ немъ не мѣшаютъ признать г. Казанскаго достойнымъ не только искомой степени, но и большой похвалы“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе г. Казанскаго отличается похвальными свойствами. Оно исчерпываетъ до конца, правда небольшой, вопросъ темы, обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье ясно, дѣльно, немногословно и стройно излагать свои мысли, наблюдательность (напр. сопоставленіе Керженскихъ отвѣтовъ съ Поморскими), обширную начитанность въ источникахъ и специальной литературѣ, наконецъ большую любознательность, побудившую автора обратиться къ рукописямъ, изъ которыхъ (гр. Уварова № 476—280) онъ проводитъ въ приложеніи „переписку старовѣровъ съ игуменомъ Питиримомъ и ихъ вопросы“.

Все это даетъ основаніе признать сочиненіе Пл. Казанскаго выдающейся кандидатской работой“.

19) О сочиненіи студента *священника Князева Александра* на тему: „Луcreція Каръ и Соломонъ“ („Міровоззрѣніе Екклесіаста сравнительно съ міровоззрѣніемъ Луcreція Кара въ поэмѣ „о природѣ вещей“).

а) П. д. доцента *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе о. Князева представляетъ собою соединеніе двухъ относительно самостоятельныхъ изслѣдованій, причемъ первое всецѣло посвящено анализу поэмы Луcreція „о природѣ вещей“, а второе—экзегетическому изученію книги „Когелеть“ Соломона. Собственно отвѣтъ на тематическій вопросъ (сравненіе міровоззрѣнія античнаго латинскаго поэта-мыслителя съ міропониманіемъ представителя еврейской хохмической письменности, Соломона, по книгѣ Когелеть) даетъ заключительный отдѣлъ сочиненія, выдѣленный авторомъ, какъ третья часть работы; для этого отдѣла, существеннаго во всемъ изслѣдованіи о. Князева, оба предыдущихъ явля-

ются какъ бы пропѣдевтическими. Съ внѣшней стороны въ рецензируемомъ сочиненіи замѣчается во всѣхъ его частяхъ дробность экскурсовъ, именуемыхъ главами, тогда какъ они съ удобствомъ могли бы быть обозначены, какъ параграфы въ бѣльшихъ отдѣлахъ. Въ первой части своей работы о. Князевъ послѣдовательно обозрѣваетъ біографическія данныя о Лукреціи, философскія системы и состояніе религіи въ вѣкъ Лукреція, затѣмъ даетъ очеркъ содержанія поэмы „de rerum natura“, пользуясь какъ подлинникомъ, такъ и лучшими переводами вербальнаго и истолковательнаго свойства, и наконецъ, сообразно плану въ сочиненіи Марта (Constant Martha. Le poëme de Lucrèce. Morale. Religion. Science. Paris 1873), указываетъ въ частныхъ чертахъ воззрѣнія Лукреція Кара на знаніе (собственно естествознаніе, захватывающее и физическую антропологию), на нравственность и на религію, причемъ много мѣста удѣляетъ раскрытію чертъ систематическихъ философскихъ ученій въ воззрѣніяхъ Лукреція (эпикуреизмъ, атараксія стоиковъ); общее résumé о міровоззрѣніи Лукреція замыкаетъ эту часть (до 184 стр.).

Съ главы VIII въ сочиненіи о. Князева начинается обзорѣніе книги „Когелеть“, какъ основнаго типа Соломоновой хохмики. Эта часть изслѣдованія о. Князева именно и распыляетъ цѣлостное содержаніе книги „Когелеть“ по мелкимъ рубрикамъ, напримѣръ, глава X (суетность общеміроваго бытія), глава XI (суетность стремленія къ теоретической мудрости), глава XII (суетность стремленія къ обладанію земными благами), глава XIII (зависимость труда челоувѣка отъ времени и обстоятельствъ) легко могли бы быть объединены, какъ параграфы, въ литературно-идейной обработки, какъ относительно самостоятельныхъ цѣлыхъ. Отъ изложенія міровоззрѣнія Соломона по книгѣ „Когелеть“ авторъ обращается къ критическому изученію происхожденія идей Соломона о суетности всего земнаго, не исключая и идеалистическихъ порывовъ челоувѣка, о круговоротѣ и преобразованіи явленій въ физическомъ и моральномъ міропорядкѣ, причемъ о. Князевъ дѣлаетъ выводъ, что Соломонъ, какъ писатель книги „Когелеть“, не скептикъ и не пессимистъ *κατ' ἐξοχήν*. Въ примыкающей третьей части работы о. Князевъ даетъ опытъ *сравнительной* оцѣнки міровоззрѣнія

Лукреція Кара и Соломона по ихъ произведеніямъ, подлежащимъ его изученію. Авторъ безусловно затратилъ много труда на составленіе своего сочиненія, изучивъ всю русскую литературу по предмету своей работы, какъ въ журнальныхъ разбросанныхъ статьяхъ, такъ и въ параграфахъ общихъ изслѣдованій и въ брошюрахъ; изъ иностранной литературы авторъ пользовался только нѣмецкою, притомъ сравнительно устарѣвшею, представленною комментаріями къ книгѣ „Когелеть“, а не опытами Библейскаго богословія: журнальныхъ особенно многочисленныхъ нѣмецкихъ статей авторъ прочитать не успѣлъ. О. Князевъ правильно пользуется генетическимъ методомъ при раскрытіи тѣхъ или другихъ положеній у изучаемыхъ имъ писателей, проникая въ глубину анализируемыхъ имъ понятій,—его выводъ таковъ: у Лукреція Кара метафизическій (онтологическій) пессимизмъ, а у Соломона или полное отсутствіе пессимизма (примирающій эпилогъ книги „Когелеть“ съ тенденціею мелоризма) или т. н. этический пессимизмъ.

Рецензентъ видитъ въ работѣ о. Князева только небольшіе недостатки: 1) съ внѣшней стороны неудачно приведены еврейскія слова и цѣлыя фразы по вторымъ пособіямъ, безъ транскрипціи, что, при отсутствіи у автора навыка въ еврейской графікѣ, ведетъ къ ошибочному начертанію словъ и ихъ неправильной разстановкѣ; по мѣстамъ справка въ Библейскомъ подлинникѣ исправила бы *lectio spuria*, какъ напр. начертаніе קוּוּר въ Ког. 1, 17 вмѣсто קוּר , какъ цитировано у о. Князева. Присоединенные авторомъ къ цитатамъ изъ бл. Іеронима еврейскія слова, при начертаніи ихъ въ масоретскомъ типѣ, только дискредитируютъ точность еврейскихъ микра у этого церковнаго писателя. По мѣстамъ у автора ошибочныя заключенія, на примѣръ, на стр. 307 о школахъ хохмы у евреевъ, на стр. 409 о наклонности писателя книги „Когелеть“ давать картины природы (пунктъ соприкосновенія съ природовѣдомъ Лукреціемъ) и т. п. Въ идеологической области сочиненія замѣтенъ наклонъ къ идеализаціи Лукреція, и выдѣляется сомнительное предположеніе, что книга „Когелеть“ рѣшаетъ жизненную проблему, между тѣмъ всѣ ветхозавѣтныя хохмическія произведенія такую проблему только ставятъ выпукло и отчетливо предъ сознаніемъ человѣка, но рѣшить ея не могли внѣ озаренія пи-

сателей свѣтомъ Новозавѣтнаго ученія о правдѣ жизни. Степени кандидата богословія о. Князевъ вполне заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Сочиненіе начинается маленькимъ *введеніемъ* (стр. 1—7), гдѣ кратко говорится о значеніи вопроса о высшемъ благѣ, о рѣшеніи этого вопроса въ стихотвореніи Лукреція и въ книгѣ Екклесіастъ, о невозможности литературной зависимости книги Екклесіастъ отъ поэмы Лукреція и о важности сравненія обоихъ этихъ произведеній для раскрытія немощности естественно-человѣческаго разума въ рѣшеніи самаго важнаго для человѣка вопроса о смыслѣ жизни сравнительно съ рѣшеніемъ этого вопроса въ богодухновенной книгѣ ветхозавѣтнаго мыслителя.

Затѣмъ слѣдуютъ *три части* сочиненія.

Первая часть (стр. 7—184) посвящена Лукрецію. Въ ней содержатся: свѣдѣнія объ авторѣ и его стихотвореніи (1-я глава, стр. 7—11), очеркъ современной Лукрецію философіи и религіи (2-я глава, стр. 11—43), послѣдовательное изложеніе содержанія шести книгъ поэмы (глава 3-я, стр. 43—75), критическая оцѣнка содержанія поэмы со сторонъ—гносеологической или знанія, которое здѣсь все ограничивается описательно-эмпирическимъ познаніемъ природы или естествовѣдѣніемъ (глава 4-я, стр. 75—99),—нравственной или морали, сводящейся къ принципу покойной и безпечальной жизни на землѣ (эпикурензмъ, глава 5-я, стр. 100—137),—и религіозной, состоящей у Лукреція въ отрицаніи греко-римской народной религіи олимпійскихъ боговъ, какъ и вообще личнаго божества, и въ сведеніи религіи къ идеализаціи человѣческихъ стремленій ко благу и счастью (глава 6-я, стр. 137—169),—наконецъ краткое повтореніе всѣхъ этихъ положеній (въ 7-й главѣ, стр. 169—184).

Вторую часть (стр. 185—348) авторъ посвящаетъ книгѣ Екклесіастъ:—краткимъ исагогическимъ о ней свѣдѣніямъ (глава 8-я, стр. 185—221), краткому и общему обзорѣнію содержащагося въ ней ученія (глава 9-я, стр. 221—229), затѣмъ—болѣе частному изложенію ученія книги, именно: о суетности міровой жизни вообще (глава 10-я, стр. 229—239), о суетности стремленій человѣка къ теоретической мудрости

(глава 11-я, стр. 239—254), къ земнымъ благамъ (глава 12-я, стр. 254—268), къ труду ради приобрѣтенія этихъ благъ (глава 13-я, стр. 268—279),—далѣе, въ 14-й главѣ (стр. 279—309), авторъ доказываетъ, что писатель книги Екклесиастъ не былъ пессимистомъ, превратившимся потомъ въ эпикурейца, какъ утверждаютъ нѣкоторые, но онъ былъ истинно вѣрующимъ иудеемъ—теистомъ,—а въ 15-й главѣ (стр. 309—342) раскрываетъ, что конечная цѣль и смыслъ жизни, по Екклесиасту, заключается въ страхѣ Божиемъ, повиновеніи божественной волѣ и исполненіи закона Божія, на почвѣ вѣры въ Бога личнаго и праведнаго Судію и въ будущее загробное воздаяніе, — наконецъ въ заключительной главѣ (16-й, стр. 342—348) авторъ снова возвращается къ раскрытію мысли, что Екклесиастъ не скептикъ и не пессимистъ, а вѣрующій ветхозавѣтный іудей—теистъ.

Въ третьей части (стр. 348—447) авторъ старается дать „сравнительную оцѣнку мировоззрѣній Лукреція и Екклесиаста“ съ слѣдующихъ сторонъ: религіозной — Лукреціей атеистъ, Екклесиастъ глубоко-вѣрующій ветхозавѣтный іудей-теистъ,—философской—Лукреціей философъ теоретикъ, Екклесиастъ учитель нравственности и практикъ,—моральной—Лукреціей эпикуреецъ, Екклесиастъ вѣруетъ въ личнаго Бога, безсмертіе души и будущее мздовоздаяніе,—соціальной—Лукреціей пренебрегаетъ общественною и семейною жизнью, стараясь замѣнить ее дружбою, а Екклесиастъ, напротивъ, заявляетъ глубокую потребность въ государственно-монархическомъ принципѣ и въ семейной жизни, какъ первоначалѣ и первоосновѣ всякой общественности и государственности,—наконецъ Лукреціей причину зла и бѣдъ человѣческихъ находитъ во внѣшнихъ условіяхъ жизни, погруженной въ суевѣрія языческаго народнаго политеизма греко-римскаго,—въ ложномъ страхѣ людей предъ богами и разрушительными явленіями природы,—напротивъ Екклесиастъ корень всякаго зла прозрѣваетъ въ самомъ человѣкѣ, въ его душѣ, въ уклоненіи его отъ закона Божія и грѣхѣ, а смыслъ жизни и высшее благо видитъ въ страхѣ Божиемъ и исполненіи закона Божія съ одной стороны и въ вѣрѣ въ личнаго Бога, какъ праведнаго Судію, и въ загробное воздаяніе — съ другой (глава 17-я, стр. 348—370).

Все сочиненіе оканчивается небольшою главою (18-я, стр.

410—417) съ общими замѣчаніями о міровоззрѣніяхъ Лукреція и Екклесіаста и заключеніемъ (стр. 447—452) повторяющимъ уже ранѣе не разъ высказанныя авторомъ въ разныхъ главахъ мысли. Наконецъ на стр. 453—456 помѣщенъ довольно длинный списокъ книгъ (около 40), русскихъ и нѣмецкихъ, извѣстныхъ автору по данной темѣ, а на стр. 457—458—оглавленіе сочиненія.

Недостатки сочиненія:

а) *Со стороны внѣшне-формальной.* Отъ сочиненія на данную тему законно требовать единства, цѣльности и сосредоточенности. Между тѣмъ всѣ три части сочиненія у автора стоятъ особнякомъ, представляя каждая совершенно отдѣльную отъ другихъ и органически не связанную съ ними трактацию. Часть, посвященная Лукрецію, относится къ исторіи греко-римской философіи или литературы, написана по источникамъ, въ духѣ и языкомъ этихъ дисциплинъ. Напротивъ, часть вторая, трактующая о книгѣ Екклесіастъ, вводитъ автора и читателя совершенно въ другую область дисциплинъ—исагогику и экзегетику Ветхаго Завѣта, требующихъ совсѣмъ иной научной подготовки, особенно съ лингвистической стороны. Наконецъ третья часть, дающая сравненіе воззрѣній Лукреція и Екклесіаста, относится къ кругу дисциплинъ апологетическихъ, частнѣе—къ библейской апологетикѣ и написана въ апологетическомъ духѣ. Правда, эта часть, имѣющая ближайшее отношеніе къ темѣ, повидимому стоитъ въ тѣсной связи съ первыми двумя. Но—только повидимому. Въ дѣйствительности она представляетъ повторенія, только въ болѣе краткомъ и сосредоточенномъ видѣ, того, что сказано въ первыхъ двухъ частяхъ. При нѣкоторомъ распространеніи этой части и при болѣе подробныхъ ссылкахъ на Лукреція и Екклесіаста, она могла бы вполне замѣнить и устранить первыя двѣ части, что дало бы сочиненію больше цѣльности и сосредоточенности.

Это—вообще. А въ предѣлахъ каждой части, особенно въ первыхъ двухъ, даютъ себя знать постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей въ разныхъ главахъ, доходящія даже до пяти и болѣе разъ. Утомительность этихъ повтореній для читателя увеличивается манерою автора писать длинными извлеченіями изъ находившихся у него подъ руками книгъ.

Отъ этого сочиненіе получаетъ катенообразный видъ, всего менѣе подобающій сочиненіямъ на темы, подобныя избранной авторомъ.

Сюда же надо отнести встрѣчающіеся иногда чрезмѣрно длинныя періоды, неясныя конструкціи, даже оставленныя безъ исправленія грамматическія безсмыслицы переписчика,—что все очень затрудняетъ чтеніе тетради отца Князева и утомляетъ.

б) *Со стороны содержанія.* Здѣсь прежде всего бросается во вниманіе не достаточно ясное повидимому опредѣленіе авторомъ основной задачи своего труда. Во введеніи авторъ говоритъ о возможности, путемъ сравненія Лукреція и Екклесіаста, уяснить, насколько въ рѣшеніи вопроса о высшемъ благѣ богодухновенный мыслитель Ветхаго Завета стоитъ безконечно выше простаго языческаго философа. Но для рѣшенія такой задачи неестественнымъ кажется брать такія, уродливыя и уже самою языческою философіей признанныя негодными, порожденія, какъ эпикуреизмъ,—и притомъ въ изложеніи его у позднѣйшаго римскаго стихотворца, полнаго диллетанта по философіи и популяризатора чужихъ идей съ атеистично-антирелигіозными цѣлями. Въдѣ греко-римское язычество дало человѣчеству не одинъ эпикуреизмъ, но и платонизмъ съ стоицизмомъ, въ коихъ лучшіе христіанскіе мыслители находили подготовленіе христіанства. Затѣмъ автору предстояла апологетическая задача—опровергнуть мнѣніе, существующее въ иностранной богословской литературѣ, что Екклесіастъ эпикуреецъ или невѣрующій пессимистъ. Но для сего нѣтъ ни малѣйшей надобности въ подробной трактаціи (первая часть сочиненія) о латинскомъ философскомъ диллетантѣ и популяризаторѣ эпикуреизма стихотворцѣ Лукреціѣ, ибо вполне достаточно было бы, путемъ строго научнаго экзегеса книги Екклесіастъ, доказать, что въ ней нѣтъ ни эпикуреизма ни атеистическаго пессимизма, но вся она проникнута ветхозавѣтно-библейскимъ теизмомъ (вторая часть сочиненія). Наконецъ можно бы было задаться цѣлью разобрать и опровергнуть иностранную гипотезу о *литературномъ* вліяніи на книгу Екклесіастъ со стороны эпикуреизма, подобномъ утверждаемому иностранными учеными вліянію стоицизма на книгу „Премудрость Соломона“. Но авторъ не ставитъ себѣ такой спе-

ціальної задачі, а тільки мимоходомъ и кратко касається этой гипотезы.

Такая неопредѣленность задачи не дала автору возможности научно спеціализовать свою работу. Авторъ самъ себя поставилъ въ необходимость, для научности своего труда, спеціализоваться въ двухъ совершенно разнородныхъ и чрезвычайно трудныхъ дисциплинахъ: греко-римской философіи съ литературою—для изученія Лукреція,—и въ ветхозавѣтной бібліологіи—для изученія книги Екклесіастъ. Но, уже умалчивая о первой, скажемъ о второй, какъ болѣе доступной питомцу духовной академіи. Въ виду разнотолковъ книги Екклесіастъ, доходящихъ даже до такихъ противоположностей, что, по однимъ, Екклесіастъ—богодуховенный мыслитель Ветхаго Завѣта и глубоко вѣрующій теистъ, а по другимъ—атеистъ, эпикуреецъ, пессимистъ,—автору настояла необходимость, для научнаго опредѣленія воззрѣній писателя книги Екклесіастъ, войти въ самую глубь ветхозавѣтно-библейской экзегетики, со всѣмъ ея огромнымъ филологическимъ, текстологическимъ и критическимъ аппаратомъ. Между тѣмъ авторъ ограничивается самымъ поверхностнымъ изложеніемъ содержанія книги, по русскому переводу синодскому, лишь кое-гдѣ выписывая экзегетическія замѣчанія разныхъ авторовъ—русскихъ, иностранныхъ и древне-церковныхъ, безъ самоличной научно-критической провѣрки,—и тѣмъ лишая экзегетическую сторону, т. е. главнѣйшую, своего труда научной опоры.

Нуждаются въ особомъ упоминаніи и нѣкоторыя частности. „Богатое (?) міровоззрѣніе“ (стр. 1),—„не задавать, хотя бы незамѣтно для себя (? развѣ это возможно?), этого вопроса“ (стр. 1),—„вопросъ ... не могъ остаться незамѣченнымъ“ (стр. 3),—„а относительно (?) философскихъ убѣжденій былъ послѣдователемъ Эпикура“ (стр. 7). Странности въ переводѣ (впрочемъ не своемъ): „одно изъ другаго создается природа... не ощущаемъ холода“ (надо вѣроятно: не осязаемъ), хотя бы необходимо сознаться“ (45),—„мѣстность (помѣщеніе? положеніе въ пространствѣ?) доставить не можетъ ничто, кромѣ незанятаго и пустаго“ (46). Ср. также: „тѣло, оставленное душой, лишено *всевозможныхъ* (?) ощущеній“ (59),—„теократіи всегда упорной“ (191) и др. (помѣчены мною краснымъ карандашемъ). Встрѣчаются ошибки по греческому

языку; *ἐκκλησιαστικῶν* (такого греческаго глагола не существуетъ), *ἐκκλησιαστικῆς* (стр. 187—188), *ἄνθρωποι*, особенно часты ошибки въ еврейскихъ словахъ (187. 221. 222. 223. 236),— даже въ такомъ видѣ: „всѣ рѣки (𐤇𐤍𐤃𐤃?) текутъ“ (стр. 230), *Senatus consult'ъ*“ (стр. 25). Въ сочиненіи осталось неуясненнымъ, какъ представлялъ Лукрецій природу. Сужденія автора о происхожденіи книги Екклесіастъ высказаны не съ достаточною опредѣленностью: рядомъ съ выписками изъ авторовъ, признающихъ послѣканоническое происхожденіе книги, о Князевъ говоритъ и о принадлежности ея Соломону, не вдаваясь въ ближайшее разъясненіе этого вопроса (стр. 191—192. 196—202 и 234). На стр. 202 авторъ выписываетъ слова г. Финикова, будто „книга Екклесіастъ даетъ философское (?) рѣшеніе вопроса о счастьи“,—на стр. 79—слова Ланге, будто „не подлежитъ сомнѣнію, что атомистика древнихъ, хотя далека отъ абсолютной истины, но гораздо больше приближается къ сущности вещей, насколько мы можемъ ее научно понимать, чѣмъ ученіе пифагорейцевъ о числахъ и ученіе объ идеяхъ Платона“,—на стр. 127: будто „идеи Платона лежатъ гдѣ то далеко отъ всякой дѣйствительной жизни“ (слова Миронова),—будто стоицизмъ—нелѣпость. Странно, что такой существенный для автора вопросъ, какъ ученіе Екклесіаста о загробномъ существованіи души и посмертномъ судѣ, авторъ излагаетъ мимоходомъ, въ видѣ подстрочнаго примѣчанія, ограничиваясь притомъ выпискою изъ статьи свящ. Θ. Преображенскаго (стр. 324 слѣд.). Въ спискѣ литературныхъ пособій на стр. 453 авторъ помѣщаетъ: „Св. Афанасія, толкованіе на кн. Екклесіастъ“,—и нигдѣ въ сочиненіи своемъ не дѣлаетъ (конечно и не могъ дѣлать) ссылокъ на это, до насъ пока не дошедшее, толкованіе. Напротивъ, изъ существующихъ толкованій на книгу Екклесіастъ авторомъ не помѣчены въ указателѣ бесѣды св. Григорія Нисскаго на книгу Екклесіастъ и совсѣмъ ему неизвѣстными остались, между другими: изъ древнихъ Олимпіодара Александр. толкованіе на Екклесіаста (нач. 7 в) и Кукуменія катены изъ древнихъ греческихъ толкователей,— а изъ новыхъ—даже Гитмана (Gietmann, въ извѣстномъ *Cursus Scripturae Sacrae*).

Но, находя себѣ вполне достаточное извиненіе въ широтѣ темы и ея трудности для специальной обработки въ теченіе

кандидатскаго срока, всѣ указанные недостатки труда отца Александра имѣютъ весьма солидный противовѣсъ въ слѣдующихъ достоинствахъ:

1) Постоянныя и обширныя ссылки на иностранныя и русскія пособія даютъ видѣть, что авторъ глубоко и тщательно изучилъ бывшую у него довольно обширную, хотя и далеко не полную, литературу предмета. Многочисленныя извлеченія изъ книгъ имѣютъ характеръ не случайнаго и вѣшняго балласта къ собственнымъ разсужденіямъ автора, но внутренно какъ бы претворены въ разсужденія самого автора, онъ какъ бы сжился съ ними и они стали его собственностью.

2) Въ особую похвалу автору надо поставить обильныя извлеченія изъ древне-христіанскихъ писателей въ наиболѣе трудныхъ и сомнительныхъ вопросахъ экзегеса, преимущественно изъ комментарія Іеронима на эту книгу.

3) Строго православное и апологетическое направленіе труда отца Александра, особенно въ раскрытіи ученія Екклесіаста о Богѣ, какъ личномъ существѣ и праведномъ Судіи,—о личномъ безсмертіи человѣческой души и о будущемъ загробномъ судѣ и мздовоздаяніи,—противъ стремленія отрицательной критики видѣть въ Екклесіастѣ атеиста. эцикурейца, скептика, пессимиста и под.

4) Въ общемъ довольно ясный, толковый и литературно-обработанный языкъ.

5) Наконецъ далеко незаурядное трудолюбіе, засвидѣтельствованное тщательнымъ изученіемъ обширной и совершенно разнородной литературы при составленіи имъ своего кандидатскаго сочиненія.

Все это даетъ полное основаніе признать сочиненіе отца Александра совершенно удовлетворительнымъ для присужденія автору ученой степени кандидата богословія“.

20) О сочиненіи студента *діакона Крупкина Александра* на тему: „П. П. Мельниковъ-Печерскій, какъ расколѣвъдъ. (По поводу новаго изданія его сочиненій)“.

а) Экстраординарнаго профессора *И. М. Громогласова*:

„Довольно обширное (III—424—V стр) кандидатское со-

чиненіе о. діакона А. Крупкина начинается небольшимъ предисловіемъ (стр. I—II), констатирующимъ неослабѣвающій интересъ къ произведеніямъ Мельникова-Печерскаго и кратко отмѣчающимъ особенности новаго (марксовскаго) изданія ихъ сравнительно съ предыдущими. За предисловіемъ слѣдуетъ введеніе (стр. 1—16), указывающее историческое положеніе названнаго автора среди другихъ расколовѣдовъ и намѣчающее планъ дальнѣйшаго изслѣдованія, раздѣленнаго на три главы. Первая изъ нихъ (стр. 17—70) содержитъ біографическія свѣдѣнія о Мельниковѣ, имѣющія цѣлью выяснитъ, какъ складывались его взгляды на расколъ, и объяснить ихъ измѣнчивость, очень замѣтно отразившуюся въ произведеніяхъ „беллетриста-расколовѣда“. Во второй, самой обширной главѣ (стр. 71—303) подробно изложены взгляды Мельникова на сущность и причины старообрядческаго раскола, его сужденія по вопросу о классификаціи раскольническихъ сектъ, свѣдѣнія касательно исторіи и быта раскольническихъ скитовъ и бытового уклада всего внѣ-скитскаго раскольническаго міра, наконецъ—сужденія поименованнаго расколовѣда о численности старообрядцевъ и мѣрахъ правительства въ отношеніи къ расколу. Глава третья (стр. 304—419) посвящена критическому разбору изложенныхъ взглядовъ Мельникова, а въ краткомъ заключеніи (стр. 420—424) сжато указаны общіе выводы всего изслѣдованія и значеніе трудовъ популярнаго писателя-расколовѣда для ознакомленія русскаго общества съ расколомъ старообрядства. Къ сочиненію приложенъ (на стр. I—V) списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался составитель при выполненіи своей работы.

Простота и естественность плана, по которому построено разсматриваемое изслѣдованіе, составляетъ его первое достоинство вмѣстѣ съ общою способностью автора къ стройной и отчетливой группировкѣ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала. Къ этому слѣдуетъ присоединитъ несомнѣнное усердіе, съ которымъ отнесся о. Крупкинъ къ своему дѣлу. Онъ внимательно изучилъ всѣ произведенія Мельникова-Печерскаго (цитируемыя имъ, къ сожалѣнію, по разнымъ изданіямъ, что, впрочемъ, произошло помимо его желанія, въ силу необходимости), умѣло извлекъ изъ нихъ все существенно нужное для его цѣли и представилъ въ ясномъ

изложеніи или дословныхъ выдержкахъ, не очень злоупотребляя послѣдними, а въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ обнаружилъ достаточное знакомство съ положеніемъ затронутыхъ имъ вопросовъ въ наукѣ о расколѣ и наличность опредѣленной, послѣдовательно выдержанной точки зрѣнія на это явленіе русской народной жизни. Не всѣ, впрочемъ, отдѣлы сочиненія разработаны равномерно, и можно думать, что критическая часть его оказалась бы по мѣстамъ полнѣе и обстоятельнѣе, если бы срочность работы и извѣстные рецензенту тяжелыя обстоятельства личной жизни не помѣшали автору сдѣлать больше того, на что у него хватило времени и силъ. Можно также возражать противъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній о Крупкина, и едва ли нужно серьезно оспаривать его разсужденіе (стр. 17—18) о наслѣдственности полицейскихъ инстинктовъ у Мельникова, дѣдъ котораго былъ нижегородскимъ исправникомъ. Къ числу формальныхъ недостатковъ сочиненія нужно отнести такія, напр., глухія или молчаливо позаимствованныя изъ вторыхъ рукъ цитаты, какъ на стр. 334, и довольно большое число оставшихся неисправленными ошибокъ переписчика, превратившаго знаменитый Шарпанскій скитъ въ Шарманскій (стр. 170) и замѣнившіе кантонистовъ канонистами (стр. 274). Но всѣ эти дефекты не настолько значительны, чтобы поколебать право автора на полученіе вполнѣ заслуженной имъ кандидатской степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *Н. Г. Городенскаго*:

„Сочиненіе о діаконѣ Крупкина состоитъ, кромѣ предисловія, введенія и заключенія, изъ трехъ главъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о Мельниковѣ, вторая—изложеніе взглядовъ писателя на расколъ, третья—разборъ этихъ взглядовъ. Лучшая глава—вторая, гдѣ авторъ, на основаніи внимательнаго чтенія сочиненій Мельникова, хорошимъ литературнымъ языкомъ излагаетъ его воззрѣнія по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, связаннымъ съ расколомъ, каковы вопросы о сущности, происхожденія, бытовомъ характерѣ раскола, о численности его послѣдователей, о мѣрахъ борьбы съ нимъ и, наконецъ, о его будущемъ. Слабѣе третья глава, гдѣ авторъ даетъ

свою, иногда довольно поверхностную, оцѣнку взглядовъ Мельникова. Впрочемъ даже и эта глава въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о научномъ и литературномъ развитіи о. діакона Крупкина. Для присужденія степени кандидата сочиненіе вполне достаточно“.

21) О сочиненіи студента діакона *Маркова Θεодора* на тему: „Взглядъ Апостольскихъ Постановленій на женщину-христіанку и его значеніе въ современной постановкѣ такъ называемаго женскаго вопроса“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Названное сочиненіе раскрываетъ тему въ такой послѣдовательности.

Исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія авторъ ставитъ анализъ 10 главы I книги Апостольскихъ Постановленій „Какъ мы (Апостолы) не многому научили васъ, сестры, дочери и члены наши; то вы сами, какъ мудрыя... старайтесь узнавать наставленія, чрезъ которыя могли бы приблизиться къ царству Господа нашего и успокоиться во вѣки вѣковъ“. Этотъ анализъ и составляетъ содержаніе краткаго предисловія, которое авторъ ошибочно называетъ *введеніемъ* (стр. 1—6). Ставя — на основаніи словъ Апост. Постановленій—высшимъ призваніемъ женщины—христіанки долгъ материнства, авторъ и предпринимаетъ на себя трудъ исторически прослѣдить, какъ женщина осуществляла этотъ долгъ, и какъ много добраго могутъ оказать наставленія Апост. Постановленій правильному осуществленію задачъ женщины-матери въ настоящее время, когда т. наз. женскій вопросъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ, волнующихъ всюду культурное общество.

Все сочиненіе дѣлится на 2 части, весьма неравномѣрныя.

Первая часть раздѣляется на слѣдующія 8 главъ.

Глава 1-я: Краткія ісагогическія свѣдѣнія объ Апостольскихъ Постановленіяхъ. Надобно замѣтить, что глава эта не имѣетъ органической связи съ задачею сочиненія и могла бы быть выпущена безъ всякаго ущерба для сочиненія.

Глава 2-я: Взглядъ древняго міра на женщину, какъ

подготовительная ступень къ болѣе совершенному возрѣнію на женщину и характерныя черты этого взгляда (л. 17—59).

Глава 3-я: Женщина въ христіанствѣ: по Евангелію, Ап. Посланіямъ и Ап. Преданію. Женщина въ первые вѣка христіанства съ I по IV в. (л. 60—95).

Глава 4: Женщина по Апостольскимъ Постановленіямъ, какъ личность (96—115).

Глава 5: Женщина христіанка, какъ дѣвица. О первомъ священномъ моментѣ въ жизни женщины. Воспитаніе дѣвицы христіанки. (л. 116—130).

Глава 6: Взглядъ Апост. Постановленій на бракъ въ связи съ современной постановкой этого вопроса. Святоотеческое ученіе о бракѣ. Церковно-каноническій взглядъ на бракъ и современная проблема брака по Элленъ-Кей. Христіанское ученіе о дѣвствѣ. (л. 131—196).

Глава 7: Семейное положеніе женщины христіанки по Апост. Постановленіямъ. Женщина христіанка, какъ жена и мать. (л. 197—320)

Глава 8: Соціальное положеніе женщины христіанки. Женщина христіанка по Апост. Постановленіямъ, какъ вдовица и диакоисса. (л. 321—495).

Часть вторая состоитъ изъ двухъ главъ. 1-я глава разсматриваетъ женскій вопросъ въ современной его постановкѣ, а именно: женскій вопросъ какъ материнскій вопросъ. Материнство въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Подготовка къ материнству въ семьѣ и школѣ. Христіанскій взглядъ на женскій вопросъ. Значеніе взгляда Ап. Постановленій въ рѣшеніи женскаго вопроса. Значеніе религіозной личности матери и вообще женщины въ современной жизни и культурѣ. (л. 495—623). Гл. 2-я: Русская женщина—христіанка (624—633).

Все сочиненіе расположено на 1266 страницахъ довольно убористаго письма и представляетъ довольно увѣсистый фоліантъ—что и представляетъ самый крупный и существенный его недостатокъ.

Какъ можно усмотрѣть изъ представленнаго выше краткаго обзорѣнія содержанія 10-ти главъ сочиненія, авторъ весьма не мало поработалъ надъ разработкою данной темы. Самое чтеніе его сочиненія показываетъ, что авторъ собралъ въ немъ довольно обильный матеріалъ, во 1-хъ, для составле-

ня весьма дѣльнаго комментарія къ ученію Апостольскихъ Постановленій о женщинѣ—христіанкѣ. Онъ тщательно изучилъ этотъ памятникъ; не оставилъ безъ вниманія и размышленія не только ни одной строчки, но можно сказать ни одного термина въ наставленіяхъ памятника касательно женщины христіанки. Онъ тщательно собралъ параллельныя мѣста въ новозавѣтномъ Св. Писаніи для уясненія памятника; представилъ обильныя общеисторическія и церковно-историческія справки, касательно семейнаго и общественнаго положенія и даже будничнаго быта женщины іудейки и язычницы въ эпоху предшествующую христіанству и послѣдующую до настоящаго времени. Видно, что авторъ искренно увлекся дѣйствительно прекраснымъ содержаніемъ памятника и съ любовью старался изучить его. Этой цѣли онъ и достигъ.

Но кромѣ этой строго говоря исторической задачи, авторъ стремился изслѣдовать еще и задачу публицистическую—выставить въ возможно выгодномъ свѣтѣ Апостольскія Постановленія и въ настоящее время, именно въ современной учено-литературной разработкѣ женскаго вопроса во всемъ его широкомъ объемѣ. Онъ обладаетъ широкою начитанностью по этому вопросу. Все выдающееся по этому предмету въ русской литературѣ, а также важнѣйшія произведенія западной литературы, переведенныя на русскій языкъ, не оставлены авторомъ безъ вниманія. Съ усердіемъ трудолюбивой пчелы онъ извлекаетъ изъ всего имъ прочитаннаго то, что такъ или иначе подходит къ предносящемуся ему идеалу женщины—христіанки, и заноситъ въ свое сочиненіе. Въ результатѣ получается довольно разнообразное по содержанію и живое по изложенію собраніе извлеченій изъ разныхъ авторовъ, короче сказать—весьма обширная компиляція, почти не переработанная авторомъ и даже не приведенная въ стройную систему.

Авторъ очень часто повторяется; весьма часто безъ нужды отвлекается отъ темы, входитъ въ изображеніе деталей, не имѣющихъ значенія для раскрытія темы. Видно вообще, что авторъ стяжалъ похвальную привычку усвоить готовыя свѣдѣнія, но не имѣетъ навыка къ собственному творчеству или по крайней мѣрѣ къ краткому систематическому изложенію воспріятого со внѣ.

Еще первая треть сочиненія (первыя 6 главъ 1-й части) представляетъ опытъ самостоятельнаго изложенія изученнаго матеріала; но слѣдующіе двѣ трети сочиненія представляютъ сплошную не переработанную компиляцію. Невольно напрашивается вопросъ: какую цѣль имѣлъ авторъ, дѣлая буквальные выписки цѣлыхъ отдѣловъ изъ прочитанныхъ имъ книгъ? Приходится давать на этотъ вопросъ далеко не благопріятный для автора отвѣтъ: вѣдь можно подумать, что вся цѣль такого труда состояла въ томъ, чтобы придать сочиненію возможно большій размѣръ. Справедливой укоризны авторъ заслуживаетъ и за то, что довѣривъ переписку малограмотному или невнимательному переписчику, онъ не озаботился перечитать переписанное и исправить искаженія, пропуски цѣлыхъ словъ и другія неисправности переписчика.

Стараясь написать какъ можно больше, авторъ не позаботился придать своему изложенію обработанный видъ. Въ сочиненіи часто встрѣчаются неудобныя и необдуманныя фразы, напр. „Иисусъ Христосъ совершилъ величайшее въ мірѣ открытіе“ (л. 93 обор.). „Бракъ по Апост. Постановленіямъ есть мученичество, апостольство и крестоношеніе“ (стр. 186). Встрѣчаются и странныя термины: „апостольши“, „піонерши“, „сторожихи“ (діакониссы) (стр. 374, 113).

Вообще внѣшняя неупорядоченность и необработанность сочиненія производитъ весьма непріятное впечатлѣніе на читателя и значительно подрываетъ цѣну потраченнаго авторомъ усердія и труда.

Посему, почитая справедливымъ присудить автору степень кандидата богословія за усердіе и трудъ, приложенные къ составленію разсмотрѣннаго сочиненія, не могу оцѣнить его балломъ выше удовлетворительнаго“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе діакона *Θ. Маркова* представляетъ совершенно исключительное явленіе по своему объему. Переписанное на почтовой бумагѣ большого формата, оно содержитъ въ себѣ 1266 страницъ по мѣстамъ очень убористаго письма. Конечно, сочиненіе такого объема не можетъ быть написано хорошо въ теченіе какихъ нибудь десяти мѣсяцевъ студентомъ даже необыкновенныхъ дарованій. Ближайшее знакомство съ ру-

копией служить разительнымъ доказательствомъ этого. Поражаетъ прежде всего невообразимая безграмотность и небрежность въ изложеніи и перепискѣ. Можно сказать, что въ сочиненіи нѣтъ ни одной страницы, которая удовлетворяла бы требованіямъ грамотности. Буква ѣ совершенно отказываетъ автору въ повиновеніи. „Моисѣй“, „дѣсять“, „сцѣна“, „самоотвѣренный“, „педѣсталъ“ и подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу. Если настолько страдаетъ русская орѳографія, то можно себѣ представить, какъ искажено должно быть правописаніе иностранныхъ заглавій и выраженій. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „Die Apostolischen Consbibutimem Sine Libberar historische Unfersuchung veu tranz unk Bolenburg am Neckar Verlag non hilhdm Bader“ (стр. 15). „Acta Pauli et Œecli“ (стр. 80). „Ar. Kandis ziplin“ (стр. 362). Такой орѳографіи соотвѣтствуетъ и изложеніе. Для образца приведу одну выдержку изъ многихъ подобныхъ, строго сохраняя точность въ передачѣ. „Чтобы имѣть противъ клерикальныхъ женщинъ вѣрный авторитетъ, который ей безусловно запрещалъ. При ношеніи плоти и крови, выдумали разсказъ, который авторъ К. О. приписываетъ Іоанну и Маріи и Марѣ:—Іоаннъ говорилъ: Вы что-то забыли, братья. Когда мастеръ хлѣбъ и чашу молясь благословилъ и изрекъ: это моя плоть и кровь—тогда онъ этимъ женщинамъ не разрѣшилъ, приближаться къ намъ“ (стр. 446). Я, конечно, не могу допустить, чтобы безграмотность автора достигала границъ, о которыхъ говорятъ приведенные примѣры, и готовъ отнести всѣ ошибки на долю переписчиковъ. Но на обязанности подающаго сочиненіе лежитъ исправленіе ошибокъ переписчика и потому было бы несправедливо не поставить въ вину автора небрежность рукописи.

Небрежной и необработанной внѣшности сочиненія соотвѣтствуетъ и его содержаніе. Если бы авторъ поставилъ своей задачей болѣе или менѣе самостоятельное изслѣдованіе памятника, предложеннаго его вниманію, то онъ, конечно, никогда не написалъ бы такого огромнаго сочиненія. Но онъ взглянулъ на дѣло гораздо проще. Онъ задался цѣлью по поводу того или иного выраженія Апостольскихъ Постановленій и подъ предлогомъ комментарія на этотъ памятникъ реферировать рядъ иногда дѣйствительно интересныхъ книгъ, попавшихъ ему въ руки и имѣющихъ то или

иное отношеніе къ его вопросу. Недостатка въ подобнаго рода литературѣ быть не могло въ виду того, что за послѣднее время книжный рынокъ былъ положительно наводненъ сочиненіями по женскому и половому вопросамъ. Компилятивность не составляетъ исключенія среди студенческихъ работъ и съ нею приходится мириться. Но у автора и здѣсь нужно отмѣтить слишкомъ упрощенный взглядъ на дѣло. Если бы онъ, прочитавъ все то, что имъ изложено, самостоятельно скомбинировалъ собранный матеріалъ, пополяя и исправляя одно сочиненіе на основаніи другого, то въ этомъ онъ проявилъ бы извѣстнаго рода литературную опытность, но авторъ въ своей работѣ просто излагаетъ одну книгу за другой. Въ связи съ этимъ стоитъ двѣ особенности сочиненія. Во-первыхъ, анализъ Постановленій Апостольскихъ совершенно теряется въ массѣ матеріала, имѣющаго лишь косвенное отношеніе къ темѣ. Во-вторыхъ, собравъ этотъ матеріалъ и не желая расстаться съ нимъ, авторъ иногда очень искусственно связываетъ его съ текстомъ Апостольскихъ Постановленій.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ сочиненія автора его нужно признать заслуживающимъ степени кандидата богословія. Безъ сомнѣнія онъ заинтересовался вопросами, связанными съ его темой, и съ увлеченіемъ занимался ими, много читалъ и успѣлъ собрать очень большой и нерѣдко интересный матеріалъ. Если бы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще мѣсяца 2—3 для того, чтобы привести въ порядокъ черновой матеріалъ и пересмотрѣть текстъ своей работы, то вѣроятно представилъ бы вполне удовлетворительную работу“.

22) О сочиненіи студента *архимандрита Михаила* (Урошевича), сербскаго уроженца, на тему: „Митрополитъ Михаилъ (сербскій), какъ проповѣдникъ“.

а) Исправляющаго должность доцента *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Авторъ начинаетъ свое сочиненіе очень издалека — съ исторіи распространенія христіанства въ Сербіи; далѣе обзрѣваетъ важнѣйшія событія политической и церковной жизни Сербіи и только послѣ этого переходитъ къ подробному изложенію біографіи м. Михаила. Этимъ вопросамъ

посвящено болѣ четверти всего изслѣдованія. Самому обзору проповѣдническихъ трудовъ сербскаго первоіерарха авторъ предпосылаетъ замѣчанія „объ общемъ положеніи духовнаго просвѣщенія и проповѣдничества ко времени появленія Митрополита Михаила на церковномъ поприщѣ“ (с. 42); приходя къ тому выводу, что и духовное просвѣщеніе вообще и церковное учительство въ частности не могли достигнуть къ этому времени высокой степени развитія, въ силу неблагоприятныхъ обстоятельствъ политической жизни Сербіи. Но проповѣдничество м. Михаила вноситъ оживленіе въ дѣло церковнаго учительства въ Сербіи: количество его проповѣдей весьма значительно, и онѣ обладаютъ высокими достоинствами. Далѣе авторъ излагаетъ содержаніе довольно значительнаго числа проповѣдей Высокопреосвященнаго Михаила, раздѣливъ ихъ на четыре категоріи: догматическія, нравственно-поучительныя, общественно-патріотическія и надгробныя (стр. 53 bis); При изложеніи содержанія, обращается вниманіе на достоинство этихъ проповѣдей и значеніе ихъ для сербскаго народа, нуждавшагося какъ въ наученіи истинамъ вѣры и правиламъ нравственности, такъ равно и въ разъясненіи съ церковной кафедры вопросовъ общественной и политической жизни. Въ послѣдней главѣ (141—155 полулисты) о. Михайлъ предлагаетъ разборъ проповѣдей своего знаменитаго соименника со стороны внѣшняго изложенія и внутренняго содержанія, сопровождая этотъ разборъ повтореніемъ общихъ замѣчаній о значеніи проповѣднической дѣятельности сербскаго первоіерарха.

Авторъ коснулся, такимъ образомъ, всѣхъ вопросовъ, которые вытекали изъ существа его темы; но въ самомъ ходѣ и изложеніи его разсужденій можно отмѣтить слѣдующіе недостатки: 1) онъ дѣлалъ недостаточно строгій выборъ изъ собраннаго имъ матеріала; оттого въ сочиненіи такъ много ненужныхъ подробностей, хотя есть и существенно важныя пробѣлы. 2) Сочиненіе страдаетъ отсутствіемъ строго обдуманнаго плана; нѣтъ частнѣйшаго подраздѣленія главъ, нѣтъ хотя бы краткихъ заглавій къ отдѣльнымъ главамъ; отсюда нѣкоторая безпорядочность въ изложеніи и неизбѣжныя повторенія (стр. 45—46, 83—84, 111, 142 и др.). 3) Въ сочиненіи не обнаружено обстоятельнаго знакомства съ важнѣйшими произведеніями по теоріи и исторіи проповѣдни-

чества; критическая часть незначительна по объему и мало-содержательна. Авторъ не прослѣдилъ постепеннаго развитія таланта м. Михаила и не выяснилъ характерныхъ особенностей его проповѣдническихъ трудовъ, ограничиваясь нѣсколькими общими замѣчаніями (стр. 47, 52, 53 bis, 138 и др.). Вообще можно замѣтить, что м. Михаилъ изображенъ въ сочиненіи болѣе какъ церковно-общественный дѣятель и политикъ, но не какъ проповѣдникъ. 4) Къ числу недостатковъ сочиненія слѣдуетъ отнести, далѣе, и односторонность въ сужденіяхъ автора о м. Михаилѣ, какъ проповѣдникѣ. Онъ говоритъ только о выдающихся достоинствахъ его проповѣдей и ни однимъ словомъ не касается ихъ недостатковъ. Онъ не постарался, напр., выяснить, почему м. Михаилъ часто выступалъ на церковной каѳедрѣ съ поученіями, написанными въ духѣ нашего Православнаго Катихизиса или извѣстныхъ „Начатковъ“, напоминающими ихъ и по самой формѣ изложенія,—слѣдовательно, съ поученіями, которыя нельзя признать произведеніями, доступными только оригинальному и выдающемуся проповѣдническому таланту, а выдержки именно изъ такого рода катихизическихъ поученій авторъ и приводитъ въ качествѣ образцовъ творчества м. Михаила (стр. 62—63).—Наконецъ, нельзя не замѣтить, что отъ автора, какъ лично знавшаго м. Михаила, видѣвшаго его на церковной каѳедрѣ, слышавшаго его живую рѣчь (с. 152), можно бы ожидать болѣе полной и яркой характеристики проповѣдническаго таланта такъ высоко цѣнимаго имъ церковнаго витія.

Языкъ сочиненія производитъ двойственное впечатлѣніе: по мѣстамъ это вполне правильный и выработанный русскій языкъ, нѣсколько витіеватый и пестрящій иностранными словами и выраженіями (стр. 51, 120, 121 и др.); но нѣрѣдки неудобныя выраженія и неправильные обороты (стр. 6, 12, 58, 94—95, 102, 121). Цитация не отличается точностью.

Не смотря на указанные недостатки рецензируемаго сочиненія, необходимо, однако, признать, что авторъ, въ продолженіе учебнаго года, въ достаточной мѣрѣ изучилъ проповѣдническіе труды митрополита Михаила, проработавъ довольно значительное число пособій и потрудился надъ обработкою своего сочиненія столько, что можетъ быть признанъ достойнымъ искомой имъ степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *Н. Г. Городенскаго*.

„Послѣ небольшого введенія, кратко отмѣчающаго главные моменты жизни сербской церкви до митрополита Михаила, авторъ излагаетъ біографію его и затѣмъ переходитъ къ его проповѣднической дѣятельности. Проповѣди митрополита Михаила авторъ раздѣляетъ на четыре категоріи: проповѣди догматическія, нравственно-поучительныя, общественно-патріотическія и надгробныя; всѣ эти отдѣлы проповѣдей и разсматриваются въ сочиненіи по порядку. Свою задачу арх. Михаилъ стараетсяъ выполнить при помощи приѣмовъ довольно упрощеннаго характера: часто авторъ ограничивается тѣмъ, что выписываетъ страницу за страницей изъ проповѣдей митрополита Михаила, дѣлая лишь коротенькія—въ одну—двѣ строки—вставки отъ себя; тамъ, гдѣ авторъ излагаетъ мысли проповѣдника, онъ обыкновенно подгоняетъ ихъ къ какимъ-нибудь избитымъ и банальнымъ рубрикамъ, такъ что читателю крайне трудно опредѣлить степень оригинальности излагаемыхъ идей.

Такой способъ изложенія менѣе всего пригоденъ для того, чтобы убѣдить насъ, что митрополитъ Михаилъ былъ „великій проповѣдникъ“, „геній“, вообще выдающійся представитель мысли и слова, какимъ его хочетъ представить авторъ. Но сочиненіе во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что авторъ съ достаточнымъ усердіемъ занимался проповѣдями митрополита Михаила и потому можетъ быть удостоенъ степени кандидата“.

23) О сочиненіи студента *Мусатова Николая* на тему: „Религія Авесты“.

а) ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*.

„Своему сочиненію (378 стр.) г. Мусатовъ даетъ подзаглавіе: Вѣрованія, показывая тѣмъ, что онъ излагаетъ лишь религіозную теорію маздеизма. Но я въ изложеніи авестическаго ученія у автора далеко нѣтъ полноты. Онъ даетъ краткія свѣдѣнія о территоріи, на которой возникла излагаемая имъ религія, о времени, въ которое она образовалась, о народѣ, который ее создалъ и исповѣдывалъ. Въ изложеніи авестическаго богословія онъ даетъ небольшіе этюды

объ Агура-Маздѣ, Ангра-Мэнью, Црванѣ Акаранѣ, Амеса-спентахъ и дарвандахъ, язатахъ, о Митрѣ, богинѣ Анаштѣ, значеніи огня, Гаомѣ и дэвахъ, наконецъ о фравашахъ. Отъ описанія вышаго міра г. Мусатовъ немедленно и неожиданно переходитъ къ эсхатологіи. Сначала онъ говоритъ о посмертной участи людей (праведныхъ и злыхъ), о мытарствахъ, по которымъ должны пройти души въ своемъ загробномъ существованіи, объ ожидающихъ ихъ раѣ и адѣ. Послѣдняя глава сочиненія посвящена концу міра по авестѣ. По автору авестію утверждается возстановленіе въ будущемъ абсолютнаго царства Агура-Мазды, преобразование міра, воскресеніе тѣлъ. Въ видѣ приложенія авторъ далъ переводъ гать—священныхъ авестическихъ гимновъ. Этотъ переводъ сдѣланъ имъ съ французскаго изданія Дармстетера (см. Le Zend-Avesta. T. 1, стр. 206—348, причемъ г. Мусатовымъ опущены предварительныя свѣдѣнія и примѣчанія).

Г. Мусатовъ характеризуетъ религію авесты, какъ дуализмъ отчасти съ политеистическими элементами, отчасти разрѣшающійся въ монотеизмъ, причемъ единымъ Богомъ является то Агура-Мазда, то Црванъ; наконецъ, г. Мусатовъ склоненъ видѣть въ авестѣ и пантеизмъ и сближаетъ Црвана съ Парабрамой.

Авестическое ученіе изложено г. Мусатовымъ далеко не полно. Нѣкоторые существенные вопросы у него почти незатронуты: 1) вѣченъ-ли Агура-Мазда въ прошедшемъ (какъ понимать его рожденіе отъ Црвана? 2) Поскольку Агура-Мазда мыслится творцомъ? Разсуждая о сближеніи Вогу-Мано съ Александрійскимъ Логосомъ, онъ оставляетъ въ сторонѣ существующее въ литературѣ сближеніе съ Логосомъ мадеическаго Nonover. Онъ и не изслѣдуетъ идею творческой силы слова. Теологію авесты авторъ заключаетъ разсужденіемъ о фравашахъ (духахъ покровителяхъ подобныхъ римскимъ геніямъ), но божественное въ авестѣ предполагалось проявляющимся и въ людяхъ, свидѣтельствомъ чего является Заратустра, и въ нижечеловѣческомъ (въ священныхъ животныхъ), на что имѣются указанія въ авестѣ (для поясненія воззрѣній авесты автору въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла бы быть полезна поэма Шах-наме).

Кромѣ неполноты въ изложеніи у автора встрѣчаются и техническіе промахи, и неясности, и ошибки.

Къ техническимъ недостаткамъ должно отнести то, что, не смотря на небольшой объемъ сочиненія, въ немъ не всегда легко разобраться. Книги цитируются слишкомъ сокращеннымъ способомъ. Подъ заглавіями иногда скрывается то, чего нельзя подозрѣвать. Такъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Црванъ“ говорится (съ конца 166 стр. и далѣе) о всей системѣ высшихъ существъ, которыя, надо замѣтить, маздейскимъ богословіемъ не ставятся въ связь съ Црванъ, а имѣютъ прямое отношеніе къ Агура-Маздѣ.

Неяснымъ представляется утвержденіе автора (стр. 40), что территоріальное раздѣленіе индусовъ и древнихъ персовъ вызвано религіознымъ расколомъ, между тѣмъ какъ на предыдущихъ страницахъ ихъ религіозныя разности авторъ пытался вывести изъ особенностей населяемыхъ ими территорій.

Ошибки встрѣчаются обычно у автора при его попыткахъ выяснять вопросы маздеизма путемъ сравненія его съ другими религіями. Сближеніе Мазды съ Зевсомъ (152 стр.), возведеніе халдейскаго Бела въ званіе бога судьбы (159), отождествленіе Црванъ съ *moïra* и Парабрамой могли бы отсутствовать съ пользою для сочиненія.

Для обосновація положенія, что авеста учить о воскресеніи тѣль, автору нужно бы было подумать объ отрицающихъ этотъ взглядъ доводахъ Гарлеца.

Но въ общемъ промахи сочиненія легко поправимы и недостающее въ немъ авторъ, судя по тому, что онъ написалъ, легко могъ бы восполнить, если бы захотѣлъ. Въ сочиненіи есть много положительныхъ элементовъ, свидѣтельствующихъ о подготовленности автора и объ его умѣнии писать.

Сочиненіе написано легкимъ и живымъ языкомъ. Читается оно съ интересомъ. Особенно останаавливаетъ на себѣ вниманіе незаурядное умѣнье автора переводить. Французскую конструкцію, въ которой Дармстетеръ предложилъ гаты, авторъ преобразовалъ въ литературно-русскую.

Цѣнно у автора то, что онъ въ своемъ сочиненіи не шель по установленнымъ шаблонамъ. Въ настоящее время выработаны нѣкоторыя схѣмы для представленія религіозныхъ процессовъ, главнымъ образомъ эти схѣмы навѣяны эволюціонною теорією. Руководясь ими, можно писать по социальнымъ, моральнымъ и религіознымъ вопросамъ, ничего не

зная. Такъ и пишутъ многіе, стяжавшіе себѣ ученое имя. Для студента повидимому писать такъ было бы особенно естественно. Но эти схемы на самомъ дѣлѣ являются петлею и сѣтью: факты не подходятъ къ нимъ и поэтому приходится частію замалчивать факты, частію ихъ извращать. Г. Мусатовъ не дѣлалъ этого. Изученный имъ матеріалъ онъ не приспособлялъ къ предвзятымъ теоріямъ, а излагалъ объективно, предоставляя уже другимъ утилизировать его для широкихъ обобщеній. Между тѣмъ начинающіе изслѣдователи имѣютъ большую слабость къ таковымъ. Но нашъ авторъ остороженъ. У него рѣдко встрѣчаются рѣшительныя сужденія, онъ боится выводить изъ данныхъ больше, чѣмъ въ нихъ содержится.

По новому академическому уставу предполагается въ курсѣ основного богословія давать краткое обзорѣніе естественныхъ религій. Было бы хорошо, если бы такія обзорѣнія давались въ духѣ работы г. Мусатова (но разумѣется, безъ его пробѣловъ и промаховъ). Изъ такого объективнаго изложенія религіозныхъ ученій выясняются лучше всего и религіозныя потребности человѣка и то, что эти потребности всецѣло удовлетворяются религіею, которую мы исповѣдуемъ какъ богооткровенную.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

б) ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Авторъ расположилъ свое сочиненіе (послѣ „Предисловія“) по слѣдующей схемѣ: „Теологія Авесты“, „Посмертная участь человѣка“ и „Конецъ міра“. Схема эта возбуждаетъ недоумѣніе. По какому принципу обособлены здѣсь части сочиненія и исчерпываетъ-ли принятая авторомъ схема, хотя бы лишь въ основныхъ чертахъ, вѣроучительное содержаніе Авесты? Почему, вообще, онъ предпочелъ эту схему общепринятой—дѣленію каждой болѣе или менѣе развитой религіозной системы на теологію, космологію, антропологию и эсхатологию?... Это послѣднее дѣленіе болѣе согласовалось бы съ требованіями предметной систематики Авесты и, если бы авторъ именно его положилъ въ основу своего сочиненія, то ему не пришлось бы иногда насильственно втискивать въ тѣ или инныя рубрики совсѣмъ не

относящийся къ нимъ матеріалъ (какъ, наприм., онъ дѣлаетъ это на стр. 261—5 и др.).

При систематизаціи „вѣрваній“ (собственный предметъ сочиненія) авторъ, повидимому, исходитъ изъ предположенія, что онъ имѣетъ дѣло съ памятникомъ, внутренне согласованнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Поэтому обыкновенно онъ довольствуется простою сводкою текстовъ, относящихся къ тому или другому изъ раскрываемыхъ имъ положеній,—текстовъ изъ разныхъ частей памятника. Но этотъ пріемъ не можетъ быть признанъ вполне надежнымъ. Согласно современнымъ научнымъ требованіямъ, вытекающимъ изъ самаго существа дѣла, въ подобныхъ случаяхъ необходимо прослѣживать также и *генеалогію* религіозныхъ идей, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ, потому что идеи эти когда-то были живыми и подвижными,—развивались и трансформировались. На стр. 95 авторъ, напр., пишетъ; „итакъ, Агура-Мазда — всевѣдущій Господь“, а на стр. 115—6: „Агура-Мазда — Пресвѣтлый, Препоблагодѣтельный, Владыка добра, Творецъ его“. Конечно, эти положенія не исключаютъ одно другое. Но какое между ними соотношеніе? Какова генеалогія заложенныхъ здѣсь идей?.. Если бы авторъ, вмѣсто *электрическаго* принципа систематики религіозныхъ вѣрваній Авесты, примѣнилъ бы принципъ *органическаго*, то онъ лучше вошелъ бы въ пониманіе генезиса этихъ вѣрваній. Тогда онъ понялъ бы, что, если, напр. (какъ онъ пишетъ на стр. 129—130) „Агура-Мазда великъ и ему чуждъ какой либо ущербъ (!) и мѣстами (?) онъ готовъ подняться (!) до уровня іудейскаго Іеговы“, а съ другой стороны (какъ мы читаемъ на стр. 152) „Авестическая концепція Агуры аналогична съ греческимъ и римскимъ представленіемъ о Зевсѣ и Юпитерѣ“,—то тутъ мы имѣемъ дѣло съ различными, такъ сказать, пластами вѣрваній и задача науки установить законмѣрное преемство идей. Попытки въ этомъ направленіи, правда, авторъ дѣлаетъ. Но, вслѣдствіе отсутствія у него твердо поставленнаго, въ указанномъ мною смыслѣ, принципа изслѣдованія, эти попытки не всегда достигаютъ своей цѣли и многое въ сочиненіи, въ концѣ концовъ, остается неразъясненнымъ.

Указывая эти недостатки въ планѣ сочиненія и пріемахъ систематизаціи его содержанія, я долженъ, однако, признать,

что, хотя авторъ и оставляетъ кое-что желать и даже, пожалуй, иногда очень не малаго, но онъ все же отнесся къ дѣлу серьезно и написалъ сочиненіе достаточно содержательное, законченное и въ формально-литературномъ отношеніи удовлетворительное. Хорошее знаніе французскаго языка, проявившееся между прочимъ и въ переводѣ отрывковъ Гать (въ „Приложеніи“), поставило его въ возможность, кромѣ русскихъ пособій, воспользоваться и французскими. Въ этихъ предѣлахъ,—то есть на русскомъ и французскомъ языкахъ,—литература вопроса изучена имъ достаточно и использована цѣлесообразно.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

24) О сочиненіи студента *Никонова Алексѣя* на тему: „Психологическія данныя въ псалтири“.

а) Исправляющаго должность доцента *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе Г. Никонова состоитъ изъ небольшого вступленія, 3 частей и заключенія. Первая часть въ сочиненіи посвящена выясненію общихъ педагогическихъ положеній касательно псалтири: здѣсь говорится о происхожденіи псалтири, о священныхъ писателяхъ псалмовъ и дается характеристика различныхъ группъ псалмовъ. Во второй части работы, озаглавленной „Психологія грѣшника“ заключаются 2 главы: 1) о грѣшникѣ нераскаянномъ и 2) о грѣшникѣ кающемся. Третья часть сочиненія имѣетъ дѣло съ переживаніями человѣка, уже вступившаго на путь исправленія и представляетъ также 2 главы: 1) о ветхозавѣтномъ человѣкѣ въ поискахъ духовнаго возрожденія и 2) о ветхозавѣтномъ человѣкѣ, уже достигшемъ возрожденія. Какъ видно, концепція сочиненія у г. Никонова не свободна отъ повторенія въ главахъ однороднаго содержанія, такъ 2 глава второй части посвящена психологіи кающагося грѣшника, а 1 глава третьей части говоритъ о ветхозавѣтномъ человѣкѣ въ поискахъ духовнаго возрожденія, между тѣмъ при невыработанности послѣдняго термина въ отвесеніи къ состояніямъ ветхозавѣтнаго человѣка здѣсь должно господствовать нѣкоторое

тождество въ матеріалѣ, привлекаемомъ для освѣщенія извѣстныхъ положеній ветхозавѣтной антропологии и сотериологии.

Особенностью Библейской антропологии, сравнительно съ научною дисциплиною того же наименованія, является безусловно проходящее красною нитью положеніе, что человѣческая природа ненормальна, испытала ущербъ отъ грѣха прародителей. Если медицинская психіатрія ищетъ корня психическихъ заболѣваній въ разстройствѣ тѣлесныхъ функций, особенно нервной системы, то Библейская медицина отирается отъ полярнаго пункта, констатируя въ духѣ человѣка источникъ не только его собственныхъ заболѣваній, но и болѣзней тѣла. Г. Никоновъ вѣрно подмѣтилъ эту черту Библейской антропологии въ данныхъ о человѣкѣ, заключенныхъ въ псалтири; эта идея объ искаженіи человѣческой природы сообщаетъ и всей концепціи сочиненія отмѣченную ранѣе нами двусоставность. (Часть первая не принимается въ соображеніе, какъ чисто пропѣдевтическая). Правильно указывая происхожденіе и видоизмѣненіе грѣховныхъ состояній, авторъ могъ бы нѣсколько оразнообразить свою діагностику сообщеніями изъ параллельныхъ мѣстъ къ даннымъ псалтири, заимствуя ихъ широко изъ всей ветхозавѣтной Библии, равно нужно было бы предпосылать тѣмъ или инымъ описаніямъ психологическихъ состояній по псалмамъ общіе научные очерки тѣхъ же состояній, чтобы яснѣе отмѣтилось сходство и различіе метода и результатовъ свѣтской науки сравнительно съ данными Слова Божія. Допускаемый авторомъ дуализмъ плоти и духа слишкомъ рельефно очерченъ для представленій ветхозавѣтныхъ временъ, и вообще по мѣстамъ авторъ не свободенъ отъ привнесенія лучей Новозавѣтнаго Откровенія для освѣщенія фактовъ ветхозавѣтной жизни, что углубляетъ дидактизмъ его работы, но вредитъ научно-богословской объективности изложенія и выводовъ. Приписаніе ветхозавѣтному человѣку поисковъ возрожденія модернизируетъ ветхозавѣтное сотериологическое ученіе: ветхозавѣтное понятіе „святости“ исчерпывается терминомъ *цедака* (цедекъ), означающимъ соотвѣтствіе поведенія закону,—здѣсь всюду помистическая точка зрѣнія на нравственную жизнь, а потому и кульминаціонный пунктъ нравственнаго восхожденія *гемилутъ хасидимъ*—только законническая безпорочность, а не возрожденіе въ духѣ.

лѣйскій (Smith) библейскіе словари, а также систему библейской психологіи Делича. Но онъ при своей работѣ совершенно игнорировалъ научные комментаріи на книгу псалмовъ, а это было бы значительнымъ вкладомъ въ его работу при выясненіи отдѣльныхъ, интересующихъ его, мѣстъ изъ Псалтири.

О языкѣ автора нужно замѣтить, что онъ не всегда точенъ и правиленъ. Такъ, напримѣръ, во вступленіи онъ говоритъ: „эта тема, взятая нами, вслѣдствіе ея многосложности и трудности, не безъ нѣкотораго колебанія, представляетъ глубокій интересъ“... Для большей отчетливости мысли автора, она нуждалась въ иныхъ, болѣе точныхъ, выраженіяхъ. Нѣсколько ниже онъ употребляетъ другое неудачное выраженіе. Онъ говоритъ о Псалтири, что она „богата психологическими мѣстами“. Здѣсь же онъ прибавляетъ: *естественно*, какъ намъ кажется,—думается, прежде всего *необходимо* обстоятельно сказать о Псалтири“... „Естественно“ и „необходимо“—эти два выраженія мало вяжутся между собою. На стр. 8-й авторъ говоритъ о Псалтири: „всѣ допускаютъ ея подлинность, понимаемую въ этомъ смыслѣ“. А въ какомъ именно—онъ не говоритъ. Получается тавтологія: всѣ допускаютъ ея подлинность въ смыслѣ подлинности. На стр. 25-й онъ говоритъ о Давидѣ: „внѣшній видъ его соотвѣтствовалъ внутреннему“. На стр. 100-й авторъ пишетъ: „нераскаянный грѣшникъ, котораго мы оставили въ предыдущей главѣ“ и т. д. И подобныя неточныя выраженія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ его сочиненія.

Но есть въ сочиненіи г. Никонова и свои достоинства. Въ немъ видно достаточное знакомство его съ святоотеческою литературою, которая была ему необходима при разработкѣ взятой имъ темы. Онъ хорошо ознакомился и съ русскою библейско-богословскою литературою, относящеюся къ его вопросу. Его личное отношеніе къ темѣ указываетъ въ немъ человѣка, который живо интересовался своею работою. Этимъ объясняется и отчасти извиняется его предпочтительное вниманіе къ общей психологіи грѣха и праведности, какъ они понимаются въ Псалтири.

Послѣднія соображенія заставляютъ насъ признать работу г. Никонова достаточною для получения степени кандидата богословія“.

25) О сочиненіи студента священника *Платонова Веніамина* на тему: „Прощеніе Господомъ жены-прелюбодѣйцы (Іоан. 8, 1—11)“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Кромѣ небольшого введенія (1—10 стр.) о новѣйшихъ взглядахъ на подлинность и достовѣрность данной евангельской перикопы и о рѣшеніи вопроса авторомъ въ положительномъ смыслѣ на началахъ вѣры и преданія церковнаго,—обширный трудъ (537 стр. компактнаго шрифта пишущей машины) о. Веніамина, по свойству своего предмета, естественно распадается на двѣ половины: критико-текстологическую и критико-экзегетическую. Первую половину (стр. 11—327) составляютъ I—VII главы, посвященные: подробному обзорѣнью и характеристикѣ памятниковъ евангельскаго текста, имѣющихъ данный рассказъ евангельскій (глава 1-я стр. 1—120),—свидѣтельствамъ патристической литературы о существованіи въ евангельскомъ текстѣ сказа о прелюбодѣйцѣ (глава 2-я, стр. 121—141),—памятникамъ евангельскаго текста, не имѣющимъ данной перикопы (глава 3-я, стр. 142—182),—свидѣтельствамъ патристической литературы объ отсутствіи перикопы въ евангельскомъ текстѣ (глава 4-я, стр. 183—226),—раскрытію отношенія перикопы къ евангельскому контексту, причемъ доказывается ея вставочный характеръ (глава 5-я, стр. 229—244),—возможности ея происхожденія отъ евангелиста Іоанна Богослова, ея историчности и опытовъ присоединенія къ евангельскому тексту (глава 6-я, стр. 245—280),—и наконецъ историческому обзорѣнью текста перикопы (глава 7-я, стр. 281—327). Вторая половина труда о. Веніамина состоитъ изъ двухъ главъ общаго характера, посвященныхъ разъясненію археологической (глава 8-я, стр. 328—358) и юридической (глава 9-я, стр. 359—372) сторонъ событія,—и одной обширной главы (10-й, стр. 373—531) съ подробнымъ постишнымъ толкованіемъ даннаго евангельскаго повѣствованія. Сочиненіе заканчивается длиннымъ (до 80 названій) спискомъ источниковъ и пособій, коими пользовался сочинитель при составленіи своего труда (стр. 351—537).

Въ сочиненіи, конечно, есть *недостатки*:

а) Въ части критико-текстологической авторъ обращается

съ типами и рецензіями евангельскаго текста, ихъ обозначеніями и сиглами по системѣ, выработанной Соденомъ (Soden. Die Schriften des Neuen Testaments),—безъ всякихъ предварительныхъ разъясненій, предполагая въ читателѣ такое же знакомство съ трудомъ Содена, какое имѣеть самъ авторъ. Отъ этого текстологическая часть труда о. Веніамина теряетъ большую половину своего значенія для русской богословско-экзегетической науки, отсылая читателя къ самой работѣ Содена, надо замѣтить—чрезмѣрно громоздкой и неудобъ пользуемой,—и такимъ образомъ подвергая себя самоупрадненію. А между тѣмъ краткое, отчетливое и систематичное изложеніе методы и результатовъ работы Содена было бы для русскаго богослова весьма плодотворнымъ трудомъ, который могъ бы содѣйствовать введенію этихъ результатовъ въ обращеніе болѣе широкаго учено-богословскаго круга лицъ, не имѣющихъ возможности или надобности самостоятельно заниматься спеціальными изслѣдованіями по новозавѣтной текстологіи. Другими словами: бытіе обширной критико-текстологической части въ сочиненіи о. Веніамина можетъ быть оправдано только тогда, когда авторъ дополнить ее общимъ и систематическимъ обзорѣніемъ методы и результатовъ обширной и сложной работы Содена,—безъ этого же большая половина сочиненія о. Веніамина останется доступною только для знакомыхъ съ трудомъ Содена непосредственно по подлиннику, т. е. ненужною никому.

б) Отношеніе общихъ типовъ евангельскаго текста къ евангельскому повѣствованію о женѣ—прелюбодѣйцѣ поставлено у автора не съ достаточною сосредоточенностью и отчетливостью. Вслѣдствіе этого, незнакомый спеціально съ дѣломъ читатель заставляється авторомъ плутать по лабиринту разныхъ текстологическихъ частныхъ, не имѣя руководящей нити для отчетливаго представленія объ отношеніи извѣстнаго текста евангельскаго въ данной перикопѣ и для сужденія о ея древности, подлинности, происхожденіи и пр.

в) Благодаря указаннымъ двумъ недостаткамъ, и общая схема, заимствованная у того же Содена, исторіи текста перикопы (7-я глава) не отличается ясностью, отчетливостью и сосредоточенностью,—и она требуетъ отъ читателя самостоятельной реконструкціи ея по результатамъ работы Содена.

г) Значительную долю неясности здѣсь для читателя, думаемъ, вносить и расположеніе текстологическаго матеріала по рубрикамъ отсутствія или присутствія перикопы въ евангельскихъ текстахъ. Быть можетъ было бы проще, послѣ общей характеристики типовъ евангельскаго текста по Содену, прямо писать самую исторію текста перикопы, группируя въ ней памятники евангельскаго текста всѣхъ типовъ.

д) Также и во второй критико-экзегетической части сочиненія вопросы археологической и юридической автору, по нашему мнѣнію, не слѣдовало выдѣлять въ особыя, и при томъ предварительныя, главы,—лучше было бы соединить ихъ съ самимъ комментариемъ. Въ такомъ случаѣ отъ работы получилось бы впечатлѣніе большей цѣльности и сосредоточенности и въ комментаріи автору не пришлось бы повторяться.

е) Встрѣчаются и нѣкоторыя мелочи, требующія поясненій или исправленій. На стр. 41-й при статистикѣ кодексовъ нашъ авторъ, точнѣе Содень, не принялъ во вниманіе книгопечатаніе, сократившее вообще рукописную производительность,—и въ частности реформацію, уполовинившую требованіе на католическую вульгату. На стр. 42 и 84 не хорошъ переводъ съ греческаго,—вмѣсто: „и всѣ Апостолы вспоминали объ этой перикопѣ въ числѣ тѣхъ, въ которыхъ излагали наставленія для назиданія церкви“ (*ἐν αἷς ἐξέθετο διατάξει ..*).—надо: „вспоминаютъ о перикопѣ сей и апостолы всѣ въ тѣхъ своихъ уставахъ, что изложили въ“... Стр. 72 вмѣсто: „находится и другая въ древнихъ рукописяхъ, какамы знаемъ, что написана“ (*εὑρίται καὶ ἕτερα.. Ἄλλο συγείδημα γραφαι*)—надо: „находится и другое нѣчто, что, какъ мы знаемъ, написалъ въ концѣ“. На стр. 124—125, вопреки обычаю, авторъ почему то ограничился общими ссылками на Иеронима, безъ дословныхъ цитатъ. Стр. 128 вмѣсто „воспѣвалось свидѣтельство и славное освобожденіе той жены, которая въ Евангеліи отъ Иоанна, какъ описывается, виновная... мнѣніе Господа Иисуса объявлялось бы противозаконнымъ“ (*decapitata quaestio et celebris absolutio fuit mulieris ejus, quae in libro evangelii, quod secundum Johannem scribitur...*) надо: „вопрошаніе (слѣдствіе, судъ)... которая въ книгѣ евангелія, что (которое) по Иоанну (отъ Иоанна, именемъ Иоанна) надписывается... мнѣніе Господа было бы сочтено за противозаконное“. Стр. 129 вмѣ-

сто: „кто не понимает, что должно *знать* супругу, *когда онъ видитъ*, что *позналъ Господа*“ (quis non intelligat debere *ignoscere* maritum quod videt *ignovisse* Dominum),—надо: кто не пойметъ, что супругъ долженъ *прощать* (жену) *потому, что видитъ Господа простившимъ?*“,—и далѣе вмѣсто: „врагами *умѣренности* или, лучше сказать, истинной вѣры не была дана *крайственная невоздержанность* ихъ женамъ“ (*modicae fidei vel potius inimici verae fidei... impunitatem dari mulieribus suis*) надо: „враги *скромной* или, лучше, истинной вѣры, боясь предоставить своимъ женамъ *безнаказанность за грѣхъ...* выбрасываютъ изъ кодексовъ то, что“... Стр. 130: „возобновлять *коммерцію* обрѣзанія и субботы (*circum cisionis et sabbati redintegrare commercium*) надо, какъ обычно, опустить слово *commercium*: „возобновлять обрѣзаніе и субботу“, или буквалистично: „совершеніе (исполненіе) обрѣзанія и субботы“. Нерѣдко рядомъ съ изданіемъ Migne'я почему то цитруется еще и неимѣющее научнаго значенія изданіе Vigne'я. На стр. 141 дается рискованная характеристика всей вообще римской церкви: „обычная характеристическая черта Римской церкви: твердо сохранять и жить преданіемъ. . ср. 280: „западъ, этотъ *преимущественный* приверженецъ и охранитель церковныхъ преданій“. Какъ будто дѣло обстоитъ иначе въ церквахъ православно-восточныхъ. Во всякомъ случаѣ необходимо такое ограниченіе: „характеристическая черта *древне-римской* церкви“ и „древне-православный западъ“,— иначе получится историческая ложь (главенство папы, догматы непорочнаго зачатія). О древнихъ переводахъ евангельскаго текста въ 1-й и 3-й главахъ сказано слишкомъ мало. Въ главѣ 5-й контекстъ 7 и 8 главъ евангелія Іоанна, между коими теперь помѣщается данная перикопа, изложенъ по Weiss'у, Das Leben Jesu, и Nüsgen'у, Geschichte d. neutest. Offenbarung—крайне неясно, благодаря чему разсужденіе автора объ отношеніи перикопы къ евангельскому контексту имѣетъ слабую доказательность. На стр. 263 по какой то непонятной у нашего автора ошибкѣ приписывается Руфину, приводимое здѣсь же въ греческомъ текстѣ, свидѣтельство Евсевія въ Церковной Исторіи о Папѣ, изложившемъ исторію, имѣвшуюся и въ евангеліи Евреевъ, о женѣ грѣшницѣ, обвинявшейся предъ Господомъ во многихъ грѣхахъ. На стр. 347 не принята во вниманіе возможность на „общемъ діа-

лектъ греческомъ“ (*κοινή*), какъ и въ новогреческомъ, употребленія предлога *εἰς* съ вин. вмѣсто *εἰν* съ дат. На стр. 353 ср. 394 утверждается, что сообщаемое въ перикопѣ событіе происходило очень рано, на зарѣ, до утренней жертвы,—чему противорѣчитъ однакожь то, что Христосъ представленъ уже учащимъ среди большой толпы народа. Болѣе подробностей можно бы пожелать относительно юридической стороны событія и вмѣсто почти не требующихся доказательствъ возможности прелюбодѣйствъ у тогдашнихъ евреевъ гораздо важнѣе было бы разъяснить: подлежало ли въ то время суду и казни прелюбодѣйство, чего однакожь мы не находимъ у автора ни въ 9-й главѣ, ни въ комментарий на стр. 416. На стр. 389—390 недостаточно полна и ясна справка о терминахъ *παῖς*, *λαός* и *ὄχλος*. На стр. 406 утверждается, что терминъ *ἐπιπαισθήσασθαι* будто бы указываетъ на то, что женщина была приведена ко Христу прямо съ мѣста преступленія,—а на стр. 410—будто средній залогъ *πορευομένη* указываетъ на то, что „жена поймана ими въ качествѣ позволившей соблазнить себя на прелюбодѣяніе“. На стр. 421—422 не точны цитаты еврейскихъ памятниковъ. На стр. 520 остается невыясненнымъ, дѣйствительно ли приведшіе женщину ко Христу намѣревались побить ее камнями, или же только воспользовались случаемъ для уловленія Христа? Въ стихѣ 10-мъ на стр. 516 и 522 авторъ, по неизвѣстнымъ основаніямъ, усматриваетъ „*пытливый* взглядъ Христа на стоящую предъ Нимъ жену... Смотритъ на нее съ *оттѣнкомъ пытливости*. Подобное же на стр. 529 о разслабленномъ, „который оказался *невѣрнымъ* человѣкомъ“ (откуда это автору извѣстно?).

ж) Наконецъ стиль автора не отличается легкостью, отчетливостью и выработанностью,—встрѣчаются запутанности и непонятности, объясняющіяся часто нехорошимъ переводомъ съ нѣмецкаго. Примѣры: Стр. 38: „Кодд. 1246 и 356 также скачками (Soden 1193: nur sprungweise—урывками, съ промежутками, по мѣстамъ) могутъ быть сопоставляемы. Стр. 92: „катена относительнымъ образомъ (?), въ 14 экземплярахъ распространялась въ 11 и 12 вв.“—231: „удивленіе Іудеевъ для Него (Христа) является *предпосылкою заключить*“ (отзывается новѣйшимъ учебникомъ логики). 392: „То обстоятельство, что въ 8, 2 констатируется *просто видимо* продолжи-

тельная бесѣда Христа въ отношеніи къ народу, давало поводъ къ слѣдующему вопросу, проникнутому *сомнѣніемъ къ ясности нашего стиха*“. 419: „И вотъ если частица *οὐ* употребляется для силлогистической связи предложеній, при выводѣ необходимаго слѣдствія изъ предыдущаго (Winet, 413—14); если этому не противорѣчитъ частица *καὶ* вмѣсто *οὐ* стоящая въ D, для отмѣтки ожидаемаго временнаго пункта въ противоположность прошлому: то слѣдующее важное изъясненіе вопроса (*Λέγω*) и приложение его къ дѣлу практики, при формальномъ тождествѣ терминовъ въ силлогизмѣ (и Моисей и Христосъ — религіозные авторитеты), должно было опредѣлить ихъ матеріальное отношеніе, точнѣе установить взглядъ Христа, Его соотвѣтствующее утвержденіе или отрицаніе авторитета Моисея“. 431: „Опредѣлительный процессъ историческаго хода развитія неопредѣленнаго выраженія о смерти прелюбодѣйныхъ раввины заканчиваютъ въ Талмудѣ тѣмъ, что налагаютъ за прелюбодѣянніе штрафъ: удушеніе“. 433: „какъ перешедшая подъ власть мужа для ниссуинъ (?), хотя бы до консумациі (? изъ Переф. Талмудъ, Сангедр. гл. 2 стр. 322)—478: „Впрочемъ, его (слова *ἀναμίσγητος*) родовое, полнаго объема, понятія, значеніе, которое несомнѣнно здѣсь устанавливается“... Сюда же, наконецъ, можемъ отнести нѣкоторыя увлеченія автора картинностью и наглядностью изложенія, вопреки или безъ документальной точности (стр. 394).

Но всѣ эти, совершенно частные и легко устранимые, недостатки работы о. Веніамина преизбыточно покрываются многими и незаурядными ея достоинствами.

И, во 1-хъ, истиннымъ и большимъ подвигомъ о. Веніамина является основательное изученіе имъ новѣйшаго, громаднаго и весьма сложнаго, вышеупомянутаго труда Содена по новозавѣтной текстологіи, долженствующаго, въ своемъ законченномъ видѣ (вышелъ только одинъ, вводный, томъ, — изданіе самого текста общано авторомъ въ 1911-мъ году), замѣнить справочно - статическія пособія доселѣ царящаго здѣсь Тишендорфа съ его дополнителемъ Грегори — научно-систематичною классификаціею огромнаго текстологическаго матеріала по типамъ и рецензіямъ, съ болѣе научными принципами для критическаго отношенія къ разночтеніямъ и опредѣленія степени ихъ подлинности и достовѣрности. При

вышеуказанномъ нами дополненіи, эта часть сочиненія о Веніаміна можетъ послужить для русскихъ богослововъ отчасти замѣною труда Содена, а отчасти прекраснымъ пособіемъ къ пользованію этою громадною и трудною работою.

2) Кромѣ того авторъ тщательно изучилъ и широко использовалъ всѣ наиболѣе важныя пособія научныя, какъ общія—филологическія, археологическія и историческія, — такъ и спеціально экзегетическія.

3) Всѣ даты использованы авторомъ въ первоисточникахъ, или по подлинникамъ (источники греко-латинскіе: Іосифъ Флавій, церковные писатели, греческіе и латинскіе кодексы евангельскіе, также древне-славянскіе), или же по авторитетнымъ переводамъ (іудейско-раввинская литература на еврейскомъ и халдейскомъ языкахъ, древніе восточные переводы, также переводъ Ульфила).

4) Комментарій автора обилёнъ весьма тонкими психологическими наблюденіями какъ по отношенію къ самому евангельскому разсказу, его терминологіи и стилю,—такъ и къ дѣйствующимъ въ немъ лицамъ.

5) Но самымъ цѣннымъ достоинствомъ работы о Веніаміна является ея апологетическая сторона, состоящая въ объективно-безпристрастномъ использованіи всѣхъ данныхъ новѣйшей науки для раскрытія подлинности (принадлежности Евангелисту Іоанну Богослову) данной перикопы и исторической дѣйствительности разсказываемаго въ ней событія. Для сей цѣли авторъ умѣло воспользовался моею гипотезою объ аналогичномъ съ 21-ю главою евангелія Іоанна происхожденіи данной перикопы, т. е. она написана или разсказана была первоначально самимъ евангелистомъ Іоанномъ, но уже послѣ заключенія Евангелія въ 20, 21,—внѣ и независимо отъ общаго плана и спеціальной идеологіи этого Евангелія. Предположеніе это открыло автору возможность легко избѣжать всѣхъ препятствій къ признанію подлинности и достовѣрности даннаго евангельскаго повѣствованія, именно: а) отсутствія спеціально-іоанновской идеологической связи съ общимъ контекстомъ евангелія,—б) помѣщенія перикопы именно въ Іоан. 8, 1—11 не по идейной связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ текстомъ, а потому, что данное событіе дѣйствительно совершилось въ это самое время,—в) обиліе и разнообразіе вариантовъ этой перикопы, безпри-